

18+

Валерий
Фатеев

Выход

Валерий Фатеев

Выбор

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Фатеев В. П.

Выбор / В. П. Фатеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга о коррупции. О мужественной борьбе героев романа с подлостью, ложью и воровством в российской власти. Читатель может сам сопоставить эти события "лихих девяностых" с сегодняшней реальностью и понять природу и источники благополучия нынешних министров и членов правительства, депутатов и судей, представителей культуры и журналистов. Первая книга романа написана по мотивам реальных событий в высших эшелонах российской власти в период её формирования в 90-х годах. Вторая и третья книга трилогии готовятся к печати. Обложка оформлена автором.

© Фатеев В. П., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Об авторе и его романе «Выбор»	5
От автора	6
1	8
2	11
3	15
4	18
5	24
6	30
7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Об авторе и его романе «Выбор»

Автор книги, которую ты, читатель, держишь в своих руках – наш современник. Время становления научной, профессиональной и политической зрелости Валерия Фатеева пришлось на один из самых тяжёлых периодов в жизни Родины: распад СССР, разрушение экономики, кризис системы управления и формирование в стране федеральной ОПГ под названием: «Государственная власть России».

Физик и экономист, кандидат наук и член Международного союза экономистов он прошёл в СССР путь от рядового инженера до директора предприятия. Это были годы не только его профессионального роста, но и временем всестороннего анализа и осмысления сложных социально-экономических процессов, происходящих тогда в российском обществе.

Учёный-экономист, человек с научным мышлением и большим опытом работы в промышленности Валерий Фатеев на практике неоднократно убеждался в том, что коррупция способна задушить любое экономически эффективное решение и любую творческую инициативу. Невозможно профессионально выполнять свои служебные обязанности в любой системе управления, если она поражена коррупцией.

Плохо работать Фатеев не мог и не хотел. Вписываться в те или иные коррупционные схемы противоречило его представлениям о чести и собственном достоинстве. Он не остался пассивным наблюдателем и не ушёл из власти. Фатеев остался в ней, не принял её «правила игры» и посвятил многие годы борьбе за чистоту государственной власти. Он был губернатором, заместителем министра экономики России, сенатором, заместителем председателя Госкомимущества России, первым вице-премьером правительства Ингушетии.

На всех уровнях власти он защищал интересы России. У него были сторонники и противники. Среди и тех и других были и его руководители и его подчинённые. За свою жизненную и профессиональную позицию он платил и платит очень высокую цену: уголовные преследования, шантаж, угрозы, плен и предательство, гибель соратников и драматические эпизоды жизни близких ему людей.

По возвращению с Северного Кавказа Фатеев работал на ряде оборонных предприятий страны: директор по стратегическому развитию, заместитель генерального директора по финансам и экономике, директор Центра инновационного развития. Кончались «тучные нулевые». Пирамида коррупции государственной власти России за период с «лихих девяностых» трансформировалась в «вертикаль президентской власти», а метастазы коррупции глубоко проникли в российское общество.

В этих условиях возникла настоятельная необходимость рассказать российскому обществу как формировалась федеральная ОПГ «Государственная власть России». Какими методами и средствами пользовались её создатели для достижения своих целей. Как далеко готовы пойти участники этой ОПГ сейчас при защите своих личных интересов. Так возник замысел этой книги. Для Валерия Фатеева написание этого романа – продолжение его борьбы за чистоту Российской власти и дань уважения своим сторонникам и соратникам в этой борьбе за честную Россию.

Автор романа живёт и работает в Москве. Валерий Петрович Фатеев искренен в своих суждениях и достоин уважения. Он любит Родину и убеждён, что её будущее зависит от нас. Жизнь продолжается, а это значит, что всё ещё можно исправить. В какой стране нам жить зависит от выбора каждого. Свой выбор Фатеев уже сделал.

Мажар Лариса Юрьевна,
доктор географических наук,
член Учёного совета Русского
географического общества.

От автора

Мы живём в стране символической демократии. Формально в ней существуют все демократические институты власти, управления и гражданского общества:

- необходимые в любом демократическом государстве законодательные, исполнительные и судебные власти;
- региональные органы управления;
- многопартийная, политическая система;
- законодательная и нормативная база, определяющая порядок избрания, назначения и освобождения должностных лиц всех уровней;
- оформленные в виде соответствующих правовых норм свободы слова, печати, информации, собраний, митингов и демонстраций;
- многочисленные надзорные и контролирующие общественные и государственные структуры, призванные обеспечить соблюдение справедливости, законности и интересов различных групп граждан;
- законодательно закреплённые права граждан создавать различные союзы, общества, организации и объединения для обеспечения своего творческого, профессионального и духовного развития.

Фактически же все эти обязательные атрибуты демократического государства и общества являются у нас всего лишь символами, не имеющими ничего общего с реальной действительностью. Все эти символы в России, как на шампур, нанизаны на вертикаль президентской власти.

Наша Государственная дума одобрит и примет любой нормативный акт, используя очень демократическую процедуру голосования, благодаря абсолютному большинству депутатов от правящей (президентской) партии.

Наш Совет федерации проголосует за любую инициативу исполнительной власти, потому что каждый из сенаторов – сама исполнительная власть, назначаемая и зависимая.

В нашей многопартийной системе оппозиционные партии надёжно вмонтированы в вертикаль власти и никакой реальной оппозиции правящей партии составить не могут по определению.

Наша избирательная система сформирована таким образом, что необходимый результат любой выборной кампании на любом уровне гарантирован при любых обстоятельствах.

Все наши свободы – это свободы "по согласованию" и "разрешению".

Создание подобной символической демократии невозможно без формирования соответствующей системы общественных морально-нравственных ценностей.

И такая система ценностей была создана. В ней такие понятия как честь, чувство собственного достоинства, благородство, честность, порядочность, профессиональная гордость были искажены и изуродованы.

В созданной системе общественных морально-нравственных ценностей все они стали товаром, предметом купли-продажи. Потребность на этом "рынке услуг" определяется потребностями представителей властной вертикали в сохранении своего социального и политического статуса, в укреплении и преумножении своего финансового и материального благосостояния, в защите своих личных и корпоративных интересов.

Цена этого "товара" колеблется в очень широких пределах. Это – должности (назначение или освобождение), учёные степени и звания (присвоение или лишение), социальное положение (карьерный рост или тюрьма) и т.д.

"Надо" – и суд выносит нужное решение в нужный момент времени. "Надо" – и парламент принимает любой законодательный акт, признанный целесообразным независимо от его

содержания. "Надо" – и огромные бюджетные средства тратятся на помпезные мероприятия в условиях жесточайшего дефицита финансов на социальные нужды населения.

Подобная система, в которой люди у власти продают свою духовность и нравственность, способна воспроизводить только такие продажные ценности. Всё остальное отторгается и исключается из процессов реального влияния на жизнь и развитие общества и государства.

В этих условиях практически единственным источником непроданных морально – этических норм становится система семейных духовно-нравственных ценностей.

Испытывая сильнейшее воздействие внешней среды, система семейных ценностей, тем не менее существует и развивается. Она опирается при этом на генетическую память поколений, на такие понятия как совесть, честь семьи, фамилии, рода, профессиональную преемственность и гордость. Верность этим ценностям проявляется в искренности и благородстве помыслов участников "Бессмертного полка", в добровольных отставках офицеров, не желающих поганить честь своего мундира принадлежностью к коррумпированным структурам власти и управления, в поступках тех, кто с риском для жизни говорит и защищает правду.

Это противоречие между семейными и общественными ценностями является в настоящее время основным в развитии страны. От итогов разрешения этого противоречия зависит судьба каждого и всех нас. И каждый вынужден делать свой выбор. И каждый будет проживать ту жизнь, какую он выбрал сам. И только он будет в ответе за этот выбор и его последствия.

Такую жизнь проживают и герои моего романа.

Валерий Фатеев

Москва. 2015—2018 гг.

1

Дорога от дома до Госкомимущества обычно занимала около часа. Это если не было пробок. Но сегодня дорога была забита. Глядя на длинную вереницу машин впереди, Курганов снова и снова возвращался мыслями к событиям последних недель. Около двух месяцев тому назад он был назначен заместителем председателя Госкомитета. Всё это время, анализируя состояние дел с управлением столичной недвижимостью, военным имуществом, зарубежной собственностью России, Курганов испытывал ощущение нереальности происходящего. Ежедневно он сталкивался с откровенным и циничным нарушением российского законодательства, с фактами примитивного, банального хищения государственных средств. Причём происходило это открыто, а государственные чиновники на всех уровнях управления, видимо, не испытывали при этом ни мук совести, ни боязни наказания. Отношение к федеральному бюджету было как к собственному кошельку: сколько мне надо, столько и возьму. Это могло означать только одно: система коррупционных схем отлажена, необходимые "крыши" существуют и личные интересы участников обеспечиваются.

Своё отношение к коррупции Курганов определил давно и окончательно. Никакая экономически эффективная работа в коррумпированной системе государственного управления невозможна. На любом уровне и при любом масштабе деятельности. В этом он неоднократно убеждался, пройдя путь от рядового инженера до директора предприятия и губернатора. В коррумпированных системах государственные интересы приносятся в жертву личным или групповым интересам тех, кто по долгу службы обязан эти государственные интересы обеспечивать. В таких системах гасятся и тонут любые начинания, любые инициативы и любые реформы.

Далеко не сразу Курганов пришёл к этим выводам. Однако со временем они позволили ему сформулировать для себя основные принципы организации и управления, которые он проводил в жизнь там, где судьба, обстоятельства и карьера предоставляли ему необходимые властные полномочия и права. Безусловно, речь при этом не шла о ловле взяточников с поличным. В борьбе с коррупцией это не самое главное и уж тем более не самое эффективное. Вместо одних придут другие. Вместо старых коррупционных схем появятся новые. Гораздо более важным для Курганова являлось создание в системах управления таких условий, в которых коррупция была бы невозможна в принципе.

Эта работу в подавляющем большинстве случаев ему приходилось начинать далеко не с "чистого листа бумаги". Практически каждое новое назначение сопровождалось для Курганова длительным погружением в атмосферу, в которой были начисто стёрты какие-либо грани между правдой и ложью, честностью и подлостью. Он хорошо помнит свои первые попытки изменить ситуацию, опираясь на такие понятия, как совесть, честь, чувство собственного достоинства. В абсолютном большинстве случаев они прерывались грубо и прямолинейно: "ты не поп, а я не на исповеди", "не лезь в душу", "посмотрим, что будет с тобой через два-три месяца"...

– Валерий Петрович! – голос водителя прервал его размышления. – Впереди авария. Мы можем опоздать в Комитет.

– Не "мы", а "я". Давай, Виктор, нарушай! Но без ДТП. Замаливать грехи буду я. Нельзя мне опаздывать.

...Он понимал этих людей. Они приняли предложенные им "правила игры" и, в зависимости от своего вклада в «общее дело» получили доступ к льготам и привилегиям пропорционально этому вкладу: от специального медицинского обслуживания членов семьи и заграничных поездок за счёт организации до солидных премиальных выплат и головокружительного карьерного роста. В этих условиях приходит ощущение жизненного комфорта, материального благополучия, уверенности в себе и в своем будущем. От всего этого очень трудно отказаться.

Поэтому подписываются акты приёма-сдачи работ, которые никто не выполнял, и проводятся тендеры с заранее назначенными «победителями», которые потом щедро отблагодарят организаторов этих тендеров. Поэтому должности продаются, а планы поставок обеспечиваются конвертами представителям заказчика.

Нередко, после подобных разговоров Валерий возвращался к мыслям об отце. Второй секретарь обкома КПСС Петр Курганов в 1962 году был освобожден от занимаемой должности и исключен из партии. Причина – категорическое несогласие с решением ЦК КПСС о разделении обкомов на промышленные и сельскохозяйственные. Валерий на всю жизнь запомнил этот период своего детства: безрезультатные попытки отца найти работу, выселение из обкомовской квартиры, безденежье, семейные скандалы и постоянные материнские упреки отцу, из которых "правдолюб хренов" был самым безобидным.

"Волга" резко сбросила скорость и остановилась. "Зацепили! – недовольно проворчал водитель, – Ваш выход, шеф!" Курганов вышел из машины и подошел к лейтенанту. "Мы нарушили правила движения, признаём это и просим извинить нас. Я очень спешу на работу, а здесь такие пробки!" Лейтенант молча стоял, не реагируя на услышанное. "Ждёт, когда "позолочу ручку", – понял Курганов и ощутил знакомое в подобных случаях чувство лёгкой брезгливости. "Лучше бы этот страж порядка отобрал права", – с досадой подумал он и протянул ему удостоверение сенатора. Убедившись, что перед ним член Совета федерации, лейтенант с явно выраженным сожалением вернул документ и молча зашагал к своей машине, утратив всякий интерес к нарушителям.

"Все, Виктор! Поехали, – сказал Курганов, садясь в машину. – Да, – в очередной раз сказал он сам себе, – у каждого из нас свои границы компромисса с собственной совестью. В зависимости от его масштабов, целей и последствий".

Мысли его вновь вернулись к отцу. Разговор состоялся в больнице, куда отец попал с инфарктом после года безуспешных попыток найти работу и наладить семейную жизнь в новых условиях. – Зачем тебе всё это было надо, отец? – спросил Валерий, глядя в его осунувшееся и постаревшее лицо. – Для своих тринадцати лет ты задал очень взрослый вопрос, – начал он. – Но ты его задал, и я на него отвечу. Вся моя сознательная жизнь была связана с промышленностью. Здесь мои успехи и неудачи, победы и поражения. Здесь я ощущал доверие людей и испытывал уважение к самому себе. Я любил свою работу, стремился выполнять её хорошо, понимал её необходимость для моей страны и умел во имя интересов Родины повести за собой людей. Так было тогда, когда мы после войны восстанавливали завод, и тогда, когда осваивали производство самолёта, которого до нас никто, никогда и нигде не делал. Люди верили мне и готовы были идти на многие лишения. Я же был убеждён в необходимости этих усилий и в правильности выбранных целей. С этой убеждённостью, этими методами работы и этим отношением к людям я и пришёл в обком КПСС.

Многое здесь было мне, сын, не по душе. Особенно отсутствие у работников аппарата и подавляющего большинства членов обкома какого-либо желания публично высказывать своё мнение и, одновременно, готовность безропотно голосовать за любое решение сверху. Эта "лояльность" вознаграждалась всевозможными льготами и привилегиями. Просторная, красивая и удобная квартира в престижном районе города, спецраспределитель дефицита, отпуск в элитном пансионате на берегу моря, "особое" отношение к тебе и твоим родственникам в сфере услуг и к твоему ребёнку в школе. Старался не замечать вопиющих различий между уровнем жизни обычных жителей области и партийной верхушки. Молчал, когда надо было говорить. Голосовал "за", когда надо было голосовать "против". Стремился при реализации подобных решений свести к минимуму их негативное влияние на жизнь людей, экономику области и страны, компенсируя тем самым (как мне казалось) сделку с собственной совестью.

Не компенсировалось, сын! Росло недовольство самим собой, результатами своей работы. Я калечил свою душу и терял уважение к самому себе. Необходимость поддержки и

одобрения известного решения о разделении обкомов стала той чертой, которую я не смог и не захотел перейти. Я был убеждён, что это бессмысленное, нелепое решение ничего, кроме вреда, не принесёт ни области, ни стране. С этой убеждённостью я выступил на пленуме обкома, обосновал свою позицию и проголосовал против. Остальное, Валерий, тебе известно. Нашей семье и мне сейчас тяжело. Но в моральном плане мне легче. Я пришёл к согласию с самим собой и восстановил уважение к себе. Я горжусь своим поступком и могу честно смотреть сейчас в твои глаза. Честь, сын, дороже жизни и тем более "красивой" жизни. Жизнь проходит – честь остаётся. Честь фамилии, семьи, честь мужчины. Сейчас, может быть, понять тебе всё это ещё слишком рано, но пройдут годы, и ты, я надеюсь, поймёшь и меня, и сказанное мною...

"Волга" свернула на Варварку и вскоре остановилась у здания Комитета. – До 13 часов, Виктор, ты свободен, – сказал Курганов. выходя из машины, – в 14 часов я должен быть в Совете федерации.

2

Секретарь вошла в кабинет и остановилась у входа. "Кажется, понятие "время" она освоила", – отметил про себя Курганов, бегло взглянув на напольные часы в кабинете. Те показывали точно 9-00. "Ирина, вот список абонентов, с которыми меня надо соединить до 9-50. На 10-00 вызвать начальника Управления федерального имущества. В 13-15 я выезжаю в Совет федерации. По окончании заседания – возвращаюсь в кабинет, как бы поздно это ни было. Наконец, как обычно, всё то, что сотрудникам подчинённых мне Управлений необходимо, по их мнению, отправить, сообщить или запросить, должно быть у меня на столе независимо от важности содержания, срочности вопроса и статуса получателя. К началу завтрашнего рабочего дня по каждому из этих документов решение будет принято".

...Курганов не был ни сторонником, ни любителем "ручного управления". Это не было его стилем. Однако при каждом новом назначении он начинал именно с него. Такой метод позволял Курганову быстро понять особенности новой работы, уровень квалификации его подчинённых и оградить себя как руководителя от последствий нарушения ими действующего законодательства или превышения должностных полномочий независимо от того, чем они были вызваны: профессиональной неграмотностью или личной заинтересованностью. Безусловно, был и негатив. Одни рассматривали это как недоверие к себе, другие – как глупость. Не обошлось и без нелепостей. Назначенный губернатором, Курганов потребовал, чтобы все ежедневно приходящие в администрацию письма от жителей области в конце каждого рабочего дня были у него на столе. Намерения были благими: исключить формальный, бюрократический подход к нуждам и проблемам людей. Для этого о них надо знать из первоисточников, а не из докладов глав районов или директоров департаментов. Однако после трёх-четырёх бессонных ночей, проведённых за разбором этих писем, он понял, что в данном случае это не выход и необходимо искать другие методы достижения той же цели.

Но при всех издержках "ручное управление" на первых этапах работы Курганов считал правильным и объективно необходимым. Это подтверждалось практикой и всем его профессиональным и управленческим опытом. Таким образом он получал очень важную для себя информацию, которую использовал в дальнейшем при принятии кадровых решений и формировании стиля управления. Более того. В известной степени "ручное управление", по мнению Курганова, вообще носит универсальный характер и применимо как метод в любой социально-экономической системе и на любом уровне управления. Главное здесь – вовремя запустить процесс делегирования полномочий и расширения самостоятельности. С "ручного управления" можно и нужно начинать, но необходимо и вовремя останавливаться. Управление должно строиться на профессионализме, доверии и честности...

С такими взглядами и убеждениями Курганов начал свою работу и в Госкомимуществе. За прошедший период он ознакомился с характером, спецификой и особенностями работы Комитета настолько, чтобы попытаться понять сейчас, чем руководствовались те, кто подписывали все эти документы, принимали по ним решения и утверждали их.

"Вот с него и начнём", – сказал себе Курганов, глядя на входящего в кабинет Царева – начальника Управления федерального имущества.

– Присаживайтесь, Андрей Владимирович! – Курганов показал налево в сторону длинного стола заседаний и сам перешёл туда же.

До сих пор он встречался с Царёвым лишь эпизодически, 2—3 раза, по каким-то очень оперативным и частным вопросам. Сейчас Курганов имел возможность присмотреться к нему более обстоятельно. Выше среднего роста, в хорошо сидящем дорогом костюме, Царёв был спокоен и уверен в себе. Аккуратная причёска умело скрывала начинающуюся лысину. Хорошо подобранный галстук и "паркер" в нагрудном кармане приятно гармонировали с цве-

том костюма. Твёрдый взгляд, никакой суеты и нервозности. "Ну что ж, по крайней мере, в воле и выдержке ему не откажешь, хотя и догадывается, зачем вызван", – отметил про себя Курганов.

– Андрей Владимирович, перед вами на столе комплекты документов, подобранные по определённым критериям. Вот, например, договора аренды, заключенные Госкомимуществом с коммерческими структурами в зданиях, предназначенных для размещения федеральных органов власти и управления согласно указу Президента РФ.

А здесь, – Курганов показал рукой на толстую пачку договоров, – факты, свидетельствующие о том, что арендаторы, с которыми Госкомимущество заключило договора аренды, сдают эти площади в субаренду без согласования с нами и эта арендная плата до госбюджета не доходит.

Особый интерес, Андрей Владимирович, представляют действия многих наших министерств и ведомств. Получив в оперативное управление здания для выполнения возложенных на них обязанностей, они размещают на закреплённых за ними территориях сторонние организации. В этих папках можно найти и Министерство охраны окружающей среды, и Комитет Российской Федерации по торговле, и Министерство социальной защиты и многие другие. Очевидно, что эти размещения осуществляются не бесплатно, но платежи эти уходят не в федеральный бюджет, а в чьи-то заинтересованные руки.

Далее – документы, подтверждающие нарушения законодательства о приватизации федеральной собственности и о неправомерной сдаче в аренду федерального имущества.

Вот там, справа от вас, в отдельное досье сведена информация о юридических лицах (в т. ч. коммерческих организациях), владеющих федеральными объектами без необходимых на то оснований. Далее – неплатежи в бюджет, нарушения федеральных законов, платежи не в бюджет и невыполнение указов президента. Всё перед вами на столе. Можете ознакомиться.

Курганов закончил, молча прошёл на своё место и сел. Молчал и Царёв.

– Зачем мне нужно со всем этим знакомиться? Это что – следствие, а я – на допросе?

– Зачем?? Как минимум, чтобы убедиться в достоверности моей информации. Вот, например, договора, подписанные вами. А вот данные самих, с позволения сказать, "арендодателей" о том, как они используют выделенные вами площади: так в зданиях Министерства сельского хозяйства из выделенных ему 27287 квадратных метрах полезной площади аппаратом министерства занято 15600 квадратных метра, т.е. что-то около 57 процентов. Остальная часть федеральных площадей занята сторонними организациями. Кому и сколько они платят, Царёв? Комитет по торговле пошёл ещё дальше! Аппарат этого комитета из 14104 квадратных метров, выделенной ему площади в здании по улице Мясницкой, дом 47, занял лишь 2962 квадратных метра, т.е. чуть более 20 процентов. На чей карман работают остальные 80 процентов, Царёв?!

А вот Международный фонд российско-эллинского духовного единства получил по договору аренды с Комитетом сроком на 25(!) лет помещения общей площадью свыше 3700 квадратных метров по адресу: улице Вильгельма Пика, дом 4, корпус 2 и самостоятельно разместил там порядка десяти коммерческих организаций от "Офицерского банка" до фирмы "Интервладлес". Кому, Царёв, идут платежи за это "духовное единство"? Дальше продолжать?

– Как Вам будет угодно.

– Да, мне будет угодно! Мне будет очень угодно, чтобы вы вспомнили все эти решения, все этапы их подготовки, все договорённости и условия их реализации и оценили весь масштаб и размах вашей деятельности.

– Я помню и знаю их все. Что вас ещё интересует?

– Хорошо. Это действительно не следствие и не допрос. Это – оценка вашей деятельности и перспектив нашей совместной работы.

– Разве такая перспектива существует?

– Да, она зависит от ваших ответов на мои вопросы. Итак, кому, когда и сколько платили вы и вам по каждому из этих эпизодов?

– А вы не боитесь, что я подам на вас в суд за клевету?

– Нет, это вы должны при всей вашей сегодняшней аппаратной неуязвимости бояться суда любого уровня – от общей юрисдикции до собственной совести. При этом ещё неизвестно, какого суда надо бояться больше.

– Вот только не надо о совести. Я не ребёнок, и здесь не детский сад.

– Положим, о совести тоже иногда не вредно вспоминать, но сейчас действительно о другом. Итак, я слушаю вас.

– Я не имею ни малейшего представления о финансовых манипуляциях, которые вы мне здесь озвучили. Кстати, а почему они вас так интересуют? Вписаться хотите?

– А вот это – ложь о "ни малейшем представлении". Причём самая примитивная. Во-первых, если бы это было так, то сейчас передо мной сидит наивный и глупый человек, который, подписывая все эти документы, не имел ни малейшего представления о несоответствии их федеральным законам, указам президента и интересам государства. Во-вторых, тех, кто "не берёт" и "не даёт", на таком уровне управления не держат. Разве лишь только в качестве «мальчиков для битья». Наивный и глупый «мальчик для битья». Согласитесь, это не ваш имидж?

– ? ? ?

– Скорее наоборот. Вы прекрасно отдавали себе отчёт в том, что вы подписываете. Вы осознанно сделали свой выбор и вписались в существующую систему. В пользу этого варианта говорят ваше образование, биография и этапы вашей карьеры.

– Так почему это вас интересует? Тоже хотите сделать "осознанный" выбор?

– Свой осознанный выбор я сделал давно. Я – не Контрольно-ревизионное управление президента и не ФСБ. Мне эта информация необходима для работы здесь, в этой должности. Я убеждён в том, что любая система управления может быть очищена от коррупции. Существует мнение, что коррупция непобедима. Это распространённое, но ошибочное мнение. Безусловно, подобная чистка – процесс тяжёлый, а зачастую и опасный. Чтобы появился шанс на успех, его должен начать Первый руководитель. На любом уровне управления – от завода до государства. Начать с самого себя. Не брать ни деньгами, ни «борзыми щенками», ни хрусталём и ни коврами. Не давать ни начальству за выгодный заказ, ни судье за нужное решение, ни спонсорам за финансирование выборной кампании.

– Ну и сколько продержатся такой Первый руководитель и его система управления? Даже если ему удастся очистить её и она не сломает его самого?

– Это зависит от уровня коррумпированности государственной системы управления и отдельных её частей. Чем выше уровень управления, с которого начинается чистка, тем она эффективнее проводится и дольше сохраняется. Я, например, в этом убедился на собственном опыте, работая и директором завода, и губернатором.

– Чистая теория. Что-то вроде от Маркса. Победа коммунизма возможна только одновременно на всей планете. Заведомо невыполнимые условия. Как у Маркса, так и у Вас.

– Победа коммунизма – утопия. Победа над коррупцией – жестокая необходимость. Причём в масштабе всей страны. Однако вернёмся к моему вопросу. Не будем строить из себя ни оскорблённую невинность, ни девственное неведение. Сегодня к концу дня у меня на столе должна лежать полная и достоверная информация или заявление по собственному желанию.

– А что эта полная и достоверная информация даст мне?

– Возможность, работая со мной, понять, что не всё в этой жизни измеряется деньгами.

– А вам зачем я нужен? Очередной эксперимент по спасению заблудшей души?

– Нет. Я не священник и не альтруист. При вашем содействии мне будет легче и быстрее вернуть средства в федеральный бюджет и освободиться от сотрудников, которые перепутали свой карман с государственным. Остальное покажет время.

– Могу идти?

– Нет. Сейчас несколько вопросов, как говорят, "не для протокола". Меня всегда интересовали люди, чья жизнь вынуждает делать выбор, как правило стратегический выбор, определяющий всю их оставшуюся жизнь или её значительную часть. Скажите, когда вам предлагают взятку, вам не становится противно?

– Ещё один такой вопрос, и я уйду.

– Не надо демонстраций! Значит, не противно. А мне вот было противно. В подобных ситуациях трудно опираться на такие категории, как честь, гордость, чувство собственного достоинства. В такие моменты они кажутся какими-то громоздкими и глобальными что ли. Опираешься на что-то более простое, понятное и мгновенно возникшее. Мне мгновенно стало противно. "Вот это сидящее передо мной туловище, не зная ни меня, ни моей жизни, моих планов, желаний и тревог, уже определило мне цену и покупает меня, как барана на базаре". Даже сейчас, вспоминая это, внутренне содрогаюсь от отвращения.

– Ну и что дальше?

– Что дальше? Был молодой. Дал в морду. Выгнал из кабинета. Получил два выговора – партийный и административный за рукоприкладство на рабочем месте.

– Это всё?

– Жаль! Ну что ж, тогда, по крайней мере, ещё один вопрос. Нет у вас чувства несвободы, зависимости, неволи? Причём не конкретно от кого-то. Просто живёте в постоянном ожидании, что вас, как куклу, в любой момент времени дернут и вы пойдёте туда и будете делать то, что вам скажут. Независимо от ваших желаний и возможностей. При этом в мягкой и деликатной или в грубой и циничной форме, в зависимости от обстоятельств вам напомнят о вашей деятельности и этапах вашей карьеры.

– Все мы зависим от чего-то.

– Ну что ж, философский ответ – это тоже ответ. Вы свободны.

3

Царёв был взбешён. Придя к себе, он снова и снова прокручивал в памяти все подробности разговора с Кургановым. "Проповедник ё...ный. Поучить захотелось. Тёщу свою учи! Да и я тоже хорош. Мямлил что-то невразумительное вместо того, чтобы сразу уйти. Царёв встал из-за стола и подошёл к окну. – Что, собственно, меня беспокоит? Без работы не останусь. Заниматься мною он не будет. В чём проблема?" Однако раздражение не проходило. За окном осенний ветер гнал по асфальту пожелтевшую листву. Одинокий тополь сиротливо прижался к металлическому ограждению. "Пожалели, не срубили", – мелькнула мысль. Вдруг что-то очень отдалённое и тревожное колыхнулось в его памяти. «...Вот оно что! Неужели в этом причина? – Царёв замер, стремясь не потерять ускользящую мысль. – Да, именно так! Ведь то, о чём сегодня говорил со мной Курганов, много лет назад говорили и мои родители. Поводы – разные, аргументы и эмоции – разные, смысл – тот же». Царёв вернулся за стол и тяжело опустился в кресло.

...Родители Андрея были педагогами. Мать преподавала русский язык и литературу, отец – математику. Работали вместе в одной школе. Сына определили в другую.

– Почему не в вашу? – много позднее спросит он отца.

– Чтобы успехи в учёбе нашего сына в глазах окружающих не были следствием должностного положения и авторитета его родителей, – ответил тот.

– А он, – этот авторитет, есть у вас?

– Да! Есть! Наш авторитет – в успехах наших учеников на олимпиадах и конкурсах, в уважение к нам наших коллег и в твоих грамотах и дипломах за отличную учёбу, сын.

– Ну и что даёт вам, мне, всей нашей семье этот самый авторитет?

– Как что даёт?

– Послушайте, родители. Я очень многим обязан вам. Ты, мама, привила мне любовь к литературе. Я много читаю, у меня есть любимые произведения и любимые герои. Я знаю массу стихов и легко их запоминаю. Благодаря во многом твоим усилиям, отец, мне нравится математика и вообще точные науки. Но скажите вы мне, мои дорогие родители, что всё это даст мне там, за стенами нашей квартиры? А ведь там – моя будущая жизнь!

– Знания, общую культуру, уважение людей и то, что ты оставишь после себя на земле, кроме праха. То, что ты сейчас имеешь, – основа твоей будущей жизни. Достойной, интересной и счастливой.

– Достойной и счастливой, говорите? Вот у нас этажом ниже живёт семья. Отец – экспедитор на мясокомбинате, мать – бухгалтер там же. У них нет ни высшего образования, ни вашего авторитета, ни такого интеллектуального отпрыска как я. Сами же говорили, что не знаете как их чадо сумеет окончить школу. Однако в отличие от нас у них нет проблем с любой одеждой и мебелью, а "Жигули" первого выпуска у них под окном. Мы же радуемся, что наконец-то смогли купить мне взрослый велосипед. Спрашивается: их жизнь можно считать достойной и счастливой?

– Каждый проживает свою жизнь. У каждого своё понятие о достоинстве и счастье.

– Стоп, отец! Что-то тут не так. То, что они воруют мясо и продают его прямо из квартиры, – это в их понимании достойная и счастливая жизнь?

– Видимо, они не считают это воровством.

– Очень странно. Тогда ещё пример. Помнишь, мама, в прошлые зимние каникулы я выезжал на общесоюзную олимпиаду школьников по математике в Москву? Ты попросила тогда меня заехать к какой-то там твоей "многоюродной" тётке.

– К троюродной, сын, к троюродной.

– Пусть будет так. Ты мне тогда сказала, что она работает товароведом на меховой фабрике.

– Да, именно так.

– Так вот, в их квартире от хрустала, золота и картин у меня в глазах рябило. На всё это великолепие товароведу с её зарплатой, как я понимаю, за всю жизнь не заработать. При этом они считают, что живут достойно и счастливо. Я это понял из того, как они приняли меня и как пожелали всей нашей семье удачи в жизни.

– И как же они приняли тебя?

– Как бедного родственника. Это было очень обидно и унижительно, мама.

– Что же здесь обидного и унижительного?

– Обидно и унижительно то, что взгляды и убеждения, которыми руководствуетесь в жизни вы и воспитываете во мне, в этой жизни не нужны. Такое впечатление, что вы меня учили не тому и не так. Может быть, это устраивает вас, но совершенно неприемлемо для меня. Я не хочу и не буду так жить.

– А как ты собираешься жить?

– Достойно и счастливо.

– Как семья с мясокомбината и товаровед из Москвы?

– Нет, как-то более интеллектуально.

– Ну что ж, значит, мы чего-то в этой жизни тебе действительно, сын, не сумели объяснить. Но жизнь продолжается. Мы ещё все живы, а это значит, что многое ещё можно объяснить, понять и исправить. Видно было, что отцу тяжело вести этот разговор. – Время нас рассудит, – устало сказал он.

Родители вышли, оставив его одного. Царёв хорошо помнит, что тогда и отец, и мать были очень сильно расстроены и подавлены. После этого разговора все они по обоюдному молчаливому согласию больше не возвращались к этой теме. Андрей окончил школу и поступил в институт. Родители при встречах старались избегать обсуждения с ним подробностей его студенческой жизни, а сын не лез к ним со своими рассуждениями о реальных и мнимых жизненных ценностях. Хотя и родители, и сын понимали, что просто забыть всё происшедшее уже не удастся...

Вошла секретарша: – Андрей Владимирович, аппарат правительства.

Царёв вернулся за стол и поднял трубку.

– Здравствуйте, Сергей Иванович!

– Добрый день, Андрей, встреча состоялась?

– Да.

– Подробности?

– Курганов считает, что договора, подписанные мною, оформлены с нарушением действующего законодательства, не учитывают интересы федерального бюджета и не контролируются моим Управлением.

– Много таких договоров он накопал?

– Много. Вообще непонятно, как одному за такое короткое время можно столько нарыть в договорах да ещё проверить по адресам их фактическое выполнение?

– Ну, он вполне способен профессионально оценить ситуацию сам.

– И всё-таки, за такой короткий промежуток времени? Может быть, какой-нибудь "крот" в моём Управлении слил ему информацию?

– Не думаю. Ему нужна была достоверная информация. Поэтому он мог рассчитывать, как я уже сказал, на свой профессиональный опыт, ну и на помощь извне.

– А что, у него есть кто-то "извне"? Откуда он вообще к нам свалился?

– Спокойнее! По порядку. Он переведён в Комитет с должности заместителя министра экономики. Когда Гайдар был назначен первым вице-премьером и одновременно министром

экономики, он пригласил Курганова в министерство своим замом. Не исключено, что тот получил от Гайдара приватное задание заняться кадровой чисткой Минэкономики. Слава богу, многого ему сделать не удалось! Гайдар ушёл в отставку со всех постов, и вопрос по Курганову должен был бы решиться элементарно. Однако за это время тот успел стать членом Совета федерации, и ситуация серьёзно осложнилась. Просто так сенатора, да ещё избранного прямым голосованием населения области, с места не сдвинешь. Поэтому было принято решение предложить ему перейти в Госкомимущество, считая, что проблем с ним здесь будет меньше, а освободиться от него будет и быстрее, и проще.

– Так что, ему Минэкономики помогало?

– Нет, конечно. Учитывая, с каким заданием он туда пришёл, врагов у него было там "выше крыши", а соратники так быстро не рождаются. Я думаю, что, как минимум, это – генерал Кречетов.

– А это что за птица?

– Начальник Главка МВД России. Охрана общественного порядка. Курганову удалось перевести Кречетова в Центральный аппарат МВД с должности начальника УВД области, где Курганов был губернатором. Тот начал работу в области с замены руководителей всех силовых структур. Причём это было сделано настолько быстро, что его областные политические оппоненты не успели даже оглянуться. Известно, что Курганову в этом оказали серьёзное содействие и Баранников, и Иваненко, и Ерин. Вот тогда-то он и взял полковника Кречетова из Ставрополя к себе начальником УВД. В период совместной работы Кречетов поддерживал все действия губернатора – от закрытия границы с Белоруссией до кадровой чистки областной Администрации. Там же, в области, по ходатайству губернатора Кречетову было присвоено генеральское звание. Вот его содействие может быть эффективным. Перед его людьми дверь не захлопнешь и информацию от них не спрячешь.

– Ясно. В итоге беседы мне было предложено сообщить подробно, как он выразился, "когда, кому и сколько" или – заявление "по собственному желанию".

– Оставаться в Комитете смысла не имеет. Сегодня эту "войну" мы проиграем. Пиши заявление. В связи с известными событиями в Чечне, у нас здесь в ближайшее время создаётся одна новая банковская структура. Пойдёшь туда. Освоишь её специфику, в дальнейшем пригодится. Возьми с собой двух-трёх надёжных ребят. Ну а проблему этого тандема мы решим. Всему своё время.

Царёв положил в "почту" заявление и задумчиво оглядел кабинет. Прошлое вновь напомнило о себе...

4

...По окончании института Царёв был направлен технологом на завод по производству полупроводников. Это было его личное решение. Как один из лучших выпускников курса, он получил право первоочередного выбора места распределения. Физика и технология полупроводников переживали в то время бурный подъём. Одновременно формировалась научная основа, накапливались и осмысливались экспериментальные данные, анализировались результаты испытаний, оптимизировались эксплуатационные характеристики полупроводниковых приборов и систем. Здесь было где проявить себя и быстро добиться практических результатов. Позади остались скромный быт родительского дома и постоянное студенческое безденежье. Андрей не хотел продолжения для себя такого существования. Он был твёрдо уверен, что достоин иной жизни и лучшей судьбы. Для достижения этих целей у него хватит энергии, воли и характера.

Коммерческий директор завода Семён Львович Покровский родился слишком поздно. Это он говорил себе каждый раз, сталкиваясь с хозяйственными ситуациями, которые в иные времена сделали бы его миллионером на законных основаниях. Но, к сожалению, он родился в стране развитого социализма и государственной собственности на всё и вся. В этих условиях, чтобы жить так, как хочется, приходилось клевать как та "курочка, по зёрнышку". Однако к своим 54 годам он всё-таки стал миллионером, но... подпольным, и это обстоятельство его явно не устраивало. Не тот масштаб, не те объёмы и, что самое главное, нет такой необходимой для этого стабильности и перспективы.

В личной жизни тоже было далеко не просто. Женился поздно. Только тогда, когда стало ясно, что нужен наследник, чтобы было кому передать собственность, свои взгляды на жизнь и на место человека в этой жизни. Ждал мальчика – родилась девочка. Когда Тамаре было пять лет, умерла её мама. С тех пор ребёнок находился под присмотром нянь, воспитательниц, гувернанток и репетиторов. Отец практически не занимался ни воспитанием, ни образованием дочери. Семён Львович понимал, что он неправ, но отношение к дочери не менял. Она была нелюбимым ребёнком. Это было истинной причиной такого отношения, но в этом Покровский не хотел признаваться даже самому себе.

Практически всё своё время он отдавал работе. С одинаковым рвением как официальной, так и теневой её части. Как коммерческий директор он пользовался авторитетом и уважением на предприятии. Хозяйственником он был действительно, как говорят, "от бога". О его теневой деятельности на заводе не знал никто. Вместе с тем к нему мог прийти на приём любой сотрудник предприятия практически по любому вопросу. Именно поэтому Покровский не был удивлён появлением в его кабинете незнакомого ему молодого человека.

– Что привело вас ко мне? – Семён Львович приготовился слушать.

– Царёв, инженер Андрей Царёв, – начал он.

С этого момента Покровский только слушал. Слушал, молчал и размышлял. Безусловно, он не знал, да и не обязан был знать все тонкости технологии, но связь между понятиями "процент выхода годных" и "норма расхода" была ему более чем близка. Ведь именно ему приходилось ежегодно выбивать в Госснабе фонды на материалы и комплектацию. Он знал, что завод выпускает приборы с процентом выхода и "два", и "пять", и "десять". Таким был достигнутый к тому времени уровень полупроводниковой технологии. Приборы были нужны, и с этим приходилось мириться. Поэтому, скажем, при проценте выхода "два" для получения каждых ста приборов запускалась комплектация из расчёта на пять тысяч.

Сидящий перед ним человек спокойно и со знанием дела сообщил Покровскому о проведённых им изменениях в технологии, позволивших по определённой группе приборов существенно поднять процент выхода годных. Приёмо-сдаточные, типовые и контрольно-периоди-

ческие испытания подтвердили необходимый уровень качества приборов, изготовленных по новой технологии. Слушая Царёва, Семён Львович не мог не отметить логику, простоту и лаконичность изложения. "Не умничает, не набивает себе цену, хочет быть понятным, – отметил про себя Покровский. – Специалист, хороший специалист!"

– Хорошо. Что вы от меня-то хотите? Напишите научную статью или подайте ращпредложение.

– Достигнутый мною процент выхода позволяет ежемесячно экономить серебро, золото и платину. Вот расчёты, – Царёв положил на стол лист бумаги. – Я хочу, чтобы вы организовали ежемесячную реализацию этих излишков. Моя доля – пятьдесят процентов.

Покровский понял. Чутьём потомственного коммерсанта он понял, кто перед ним. Будучи сам циничным и беспринципным, он умел безошибочно определять эти качества у других.

– А ты не боишься, парень, что я сейчас вышвырну тебя из кабинета, а завтра уволю с завода?

– Нет. Из кабинета можно, но только зачем? Продемонстрировать чистоту ваших помыслов и бескорыстие души? Кому это надо, и кто в это поверит? Вам – не надо точно. Ваш авторитет от подобных образцово-показательных выступлений не выиграет. С завода не уволите. Разговор без свидетелей, а я – молодой специалист.

Семён Львович смотрел на Царёва со всё возрастающим интересом. "Каков наглец! Но... энергичен и готов рисковать. Значит, не дурак и не трус. Здесь есть над чем подумать. Это может быть интересно", – сказал себе Покровский, а вслух произнёс:

Знаете, всё, что вы предложили, требует более спокойного и детального обсуждения. Сегодня у нас четверг. Завтра я еду на дачу. Если хотите, мы можем продолжить этот разговор там...

...Первое, что увидел Царёв, приехав на дачу Покровского, была девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Раскачиваясь в гамаке, она грызла яблоко, обнажая два ряда великолепных зубов.

– Тамара, моя дочь, – сказал Семён Львович. – Я попросил её приехать сюда пораньше и приготовить нам что-нибудь на стол. Познакомься, Тамара, это – Андрей Царёв, перспективный молодой человек. – Девушка молча кивнула из гамака, не прекращая поглощать фрукт. – Ну что ж, дочь, веди в дом, кормить мужиков будешь.

"А эта девочка недурна, – подумал Царёв, идя вслед за хозяевами к дому, – у неё весьма приятные формы. Так что можно будет попытаться совместить полезное с приятным". Следует заметить, что Царёв не был ловеласом в буквальном смысле этого слова, хотя в свои двадцать с небольшим имел уже немалый сексуальный опыт. Жизнь в студенческих общежитиях, туристические походы, стройотряды создавали благоприятную обстановку для ни к чему не обязывающих мимолётных и случайных знакомств. Царёв был привлекателен, настойчив и не отягощён соображениями этики. Если представлялась возможность, он с циничной прямолинейностью использовал это в своих интересах.

Внутреннее убранство дома удивило Царёва. Всё было достаточно скромно и непритязательно. Семён Львович отметил про себя недоумение на лице Царёва и молча улыбнулся. Зато дочь не преминула заявить о себе:

– Мне здесь тоже не нравится, как и вам, – с некоторым вызовом произнесла Тамара.

– Мне не "не нравится". Я просто удивлён и не более того, – возразил Царёв, мысленно кляня себя за неумение скрывать свои эмоции.

– Ну с этим вашим удивлением прошу к товарищу Покровскому. Он здесь хозяин, и всё, что вы видите, – его понимание красоты.

– Не красоты, а целесообразности, – без тени улыбки сказал Семён Львович, глядя при этом на Царёва. – Будет у тебя, дочь, свой дом, вот и будешь обустривать его сама.

– Конечно, буду! – живо откликнулась Тамара. – У меня обязательно будет огромный зеркальный шкаф-купе во всю стену от пола до потолка. В нём будет находиться моя одежда на все случаи жизни – от бальных платьев до меховых манто. А ещё у меня будет трельяж с очень большим столом, на котором я смогу разместить всю свою косметику. В спальне – сейф с драгоценностями. А ещё...

– Мы потом послушаем тебя, – отец прервал дочь. – Зови к столу. Соловья баснями не кормят.

– Что бог послал, – сказал Покровский, показывая Царёву место за столом рядом с собой.

Сегодня бог послал Семёну Львовичу финский сервелат, чёрную и красную икру, сёмгу и буженину. Всё это разнообразие удачно дополнялось внушительных размеров ананасом в окружении бананов, мандаринов и апельсинов, а также бутылкой армянского коньяка. Вошедшая Тамара водрузила на стол огромную сковороду с яичницей. Покровский посчитал нужным прокомментировать:

– Не обессудь. Это единственное горячее блюдо, которое дочь умеет готовить. К сожалению, с пяти лет росла без матери. Так что учить было некому. Няни и гувернантки не в счёт. Остальное, как видишь, полуфабрикаты. Но, думаю, голодными не останемся.

– Итак, как бы ты хотела обустроить свой дом? – обратился Семён Львович к дочери, предлагая ей продолжить прерванный монолог и одновременно открывая коньяк. – Поведай!

– Итак, в спальне – сейф с драгоценностями, вмонтированный в стену и прикрытый картиной, и, – Тамара мечтательно подняла глаза в потолок, – золочёная кровать с балдахинном.

– Балдахин-то зачем? – с некоторым недоумением спросил Семён Львович.

– Это же красиво, папа, – ответила дочь. – И потом, на Востоке, например, так принято.

– В сказках Шахрезады и во дворцах султанов и халифов, – Царёв решил вступить в разговор.

– Значит, мой дом должен быть, как сказочный дворец, – девушка с вызовом посмотрела на обоих мужчин.

Андрей мельком взглянул на Покровского и благоразумно решил промолчать.

– Ну и кто должен будет оплатить всё это великолепие? – Спросил Семён Львович, наливая в рюмки очередную порцию коньяка.

– Ты, папа, ты и мой будущий муж, – как о чём-то очевидном ответила Тамара.

– Интересно, – Покровский внимательно посмотрел на дочь. – Хорошо. Отец и муж должны. А ты, ты сама в этой своей жизни предполагаешь быть кому-то должна?

– Не знаю. Не думала. А что, это обязательно?

Семён Львович посмотрел на часы:

– Андрей Владимирович, реализацию нашего проекта мне необходимо предварительно обсудить с моими коллегами и компаньонами в городе. Сейчас я уеду и вернусь завтра где-то в первой половине дня. Думаю, что по итогам этой поездки мы с вами сможем найти оптимальный вариант начала нашей совместной работы. Прошу вас извинить меня. Продолжайте трапезу и отдыхайте. Тамара, – сказал Покровский, обращаясь к дочери, – прояви гостеприимство и не давай гостю скучать...

...Приподнявшись на локте, Царёв задумчиво смотрел на спящую Тамару. Несомненно, лежащая рядом с ним девушка была красива. Её густые чёрные волосы в живописном беспорядке были разбросаны по подушке. Черты лица вызывали невольные ассоциации с изображениями на греческих фресках. Под тонкой тканью покрывала легко угадывалось привлекательное женское тело. "Это хорошо. Хорошо, что мне эта девочка нравится, – подумал Царёв. – Ну а с интеллектом и знанием жизни разберёмся. Была бы форма, а содержанием мы её наполним".

– Ну и о чём ты думаешь, глядя на меня? – неожиданно спросила Тамара, не открывая глаз.

– Если бы Тициан был жив, свою "Флору" он писал бы с тебя.

– Кто это такой? – Тамара открыла глаза.
– Великий итальянский художник. К сожалению, он умер в XVI веке. Тебе не повезло.
– Ладно. О художниках потом. Скажи мне, зачем ты в постель-то ко мне залез?
– Ты мне нравишься.
– Врёшь! Тебе нужны связи, авторитет и деньги моего отца.
– Сейчас ты сказала не очень умную вещь. Ты действительно мне нравишься, и в этом нет ничего удивительного. Красивая самка не может не привлечь внимания нормального самца. Удивительным было бы то, если бы я остался равнодушен к тебе. Однако верно и то, что я заинтересован в долговременных деловых и финансовых связях с твоим отцом. Думаю, что одно другому не мешает.

– Ну и что же тебе во мне нравится?

– Тело.

– ???

– Чему ты удивляешься? Или ты считаешь, что мне должны были понравиться твои кулинарные способности или восхитить твои знания итальянской живописи? При знакомстве с женщиной мужчина прежде всего обращает внимание на её тело. Красивое тело привлекает. Всё остальное приходит или не приходит потом. Так что наше знакомство состоялось самым естественным образом. Ты мне лучше скажи, где девственность-то потеряла?

– Этим летом на пикнике с одним горкомовским сыном перепихнулась.

– Без последствий?

– Какие там последствия! Он – в первый раз. Чего-то куда-то кончил. На этом и расстались.

– Приятно было?

– Нет.

– А со мной?

– Напомни!..

...Вкусный запах хорошо приготовленного мяса Семён Львович почувствовал, едва открыв дверь.

– С приездом, папа, – Тамара с причёской, в красивом шёлковом халате вошла в прихожую.

– Эффектно выглядишь, дочь. Что-то раньше я тебя такой не видел. А кто это у нас на кухне?

– Твой гость, папа.

– Вот это гостеприимство – отправить гостя на кухню обед готовить.

– Во-первых, не обед, а завтрак. Во-вторых, он сам изъявил желание. И наконец, о необходимости проявить гостеприимство я не забыла и проявляла его за эти сутки неоднократно.

– Не хами, дочь!

– Это я хамлю, отец? А как ты обошёлся со мной, подложив меня под этого Царёва? Ты что считаешь, что, оставшись наедине с женщиной, нормальный мужик будет ей сутки напролёт стихи читать?

– Ты не смеешь так со мной говорить!

– Смею, папа, смею! В этой жизни у тебя существует одна – единственная точка зрения – коммерческая. Тебе зачем-то нужен Царёв, а я в этих твоих планах всего лишь разменная монета. Однако в данном случае наши планы совпали. Он мне нужен не меньше, чем тебе. Так что будем считать, что мы поняли друг друга и договорились. Я помогу тебе привязать Царёва к твоим финансовым планам, а ты женишь его на мне.

– Вижу, ты – дочь своего отца. Однако не слишком ли резво, Тамара? Тебе вначале надо школу окончить.

– Окончу, окончу, отец. Если что, Царёв репетитором поработает. Будем соединять полезное с приятным.

– Ладно, дочь, договорились. Думаю, что ты не ошиблась. Он – умный специалист и многого хочет добиться. В недалёком будущем этот парень мне может очень пригодиться. Ну а сейчас иди накрой на стол, а его пригласи ко мне.

Организационные вопросы решены, – начал Покровский, когда Царёв вошёл в его кабинет. – Определимся с деталями.

– Здравствуйте, Семён Львович. Как же они решены?

– Это совершенно не должно тебя интересовать. Кто, когда и где будет превращать в доллары и рубли твою экономию, – это мои вопросы. Твоя задача – экономить по складу и по итогам месяца получить свою маржу. А теперь о деталях: ты будешь получать тридцать процентов от реализации ежемесячно не позднее 10-го числа месяца, следующего за отчетным.

– ???

– Тридцать, тридцать. Учись делиться! Мне же всю цепочку кормить надо, чтобы и работали, и молчали. Далее свою технологию будешь реализовывать только на пятой приёмке.

– У меня всё отработано и на девятой.

– Не суетись! Всеу свое время. Последнее: личные встречи на работе исключаются. Только у меня дома или здесь, на даче. С дочерью встречаться разрешаю, только смотри, чтобы она у нас с тобой школу не провалила. В случае возникновения любых непредвиденных ситуаций – немедленная встреча со мной.

...Царёв встал и прошёлся по кабинету. Он вспомнил, как после той первой своей встречи с Покровским на даче пережил чувство душевного подъёма и уверенности в себе. Он нашёл правильные решения как технические, так и организационные. Теперь всё в его руках. Покровский свою задачу выполнит, а всё остальное – дело техники.

Действительно, непредвиденных ситуаций не возникало. Со временем перешли на девятую приёмку. Излишки драгметаллов стабильно аккумулировались на складе у Покровского, и Царёв ежемесячно получал свою долю. Меньше чем через год его не без помощи Покровского назначили заместителем Главного технолога завода. Он регулярно встречался с Тamarой и был вполне доволен собой.

Огорчало правда, одно обстоятельство: почти два года он не приезжал домой. Родители писали редко и, по большому счёту, ни о чём. Изредка лишь, между строчек отцовских писем, Андрей чувствовал, как тяжело и глубоко тот переживает их размолвку. Было очевидно, что для отца их разногласия носят принципиальный характер. Поэтому в письмах домой Царёв старательно обходил эту тему, понимая, что в данном случае никакими разъяснениями на бумаге ничего решить нельзя.

Однако понятно было и другое: долго подобная ситуация сохраняться не может, необходимо внести ясность. Жить с чувством какой-то не совсем понятной ему самому вины перед родителями он не будет. Он был уверен в себе, в своей правоте и в своём будущем. Личную встречу откладывать "на потом" не имело никакого смысла...

Темнело. Царёв включил свет. Рабочий день закончен. Пора уезжать. Когда-то, когда он только начинал свою самостоятельную жизнь, он возвращался домой с радостью, с гордостью за самого себя, за то, что сам, своими руками, характером и волей создаёт свой мир. Мир, в котором он будет богат и независим. Как давно это было!

Моросил мелкий, холодный осенний дождь. Садясь в машину, Царёв оглянулся. Окна в кабинете Курганова были освещены. "Посмотрим, сколько ты здесь продержишься, такой правильный!" – с раздражением и каким-то неожиданным для него самого злорадством подумал Царёв, трогаясь с места. "Форд" легко набрал скорость. Андрею нравилась эта машина. Однако той радости и восторга, которые он испытывал когда-то, садясь за руль своей первой машины,

уже не было. Того "Москвича" Андрей купил как раз перед поездкой к родителям. О приезде решил не сообщать. Хотел удивить и подарками, и машиной, и самим приездом...

5

...Отец постарел. Царёву это сразу бросилось в глаза. Стало больше седины на висках и морщин на лице.

– А где мама?

– В больнице.

– Что с ней?

– Давление.

Разговора не получалось. Андрей не знал, с чего начать. Отец молча смотрел на сына.

– Так значит жизнь удалась? Достойная и счастливая, – произнёс отец, прервав молчание и кивнув в сторону окна, за которым виднелась машина сына.

– Думаю, что удалась.

– Тогда объясни мне, сын, арифметику, с помощью которой, не проработав и двух лет после окончания института, молодой специалист может приобрести себе такой агрегат.

– Это не арифметика, отец, а бизнес и учет личных интересов.

– Тогда расскажи мне об этом бизнесе.

– Если кратко, опуская технологические детали и особенности, то я разработал способ экономии драгметаллов при производстве полупроводниковых приборов и от ежемесячной реализации излишков получаю свою долю.

– Был ли другой способ использования твоей разработки?

– Был. Например, написать ращпредложение, получить за него разовую премию и передать реализацию его государству.

– Значит, украл, точнее, ежемесячно крадёшь у государства. Воровство, как на мясокомбинате, но только интеллектуальное. Так ты, кажется, сказал о своих планах на будущее много лет назад?

– Не передёргивай, отец! Может ты не слышал о таком понятии как "интеллектуальная собственность"? Так вот это – моя интеллектуальная собственность, и я вправе распоряжаться ею по своему усмотрению.

– Слышал, сын, и знаю. Знаю также и то, что в нашей стране эта экономическая категория практически не используется. А знаешь ли, что то, чем занимаешься ты со своими подельниками называется незаконными валютными операциями?

– Я не занимаюсь продажей драгметаллов. Моя задача – обеспечить их излишки на складе. Реализацией есть кому заниматься.

– Значит, гребёшь жар чужими руками? При этом убеждён, что уголовный кодекс СССР до тебя не доберётся? Думаешь, что твои подельники не сдадут тебя, когда вашей деятельностью заинтересуется КГБ?

– Это не подельники. Наши отношения построены на доверии и взаимном интересе. И потом, разве это всё, что беспокоит тебя в моей жизни?

– И это тоже. Наши соседи с мясокомбината в период андроповских чисток сели на пятнадцать лет с конфискацией. Но не это главное для меня. Ты, видимо, считаешь, что в нашей жизни деньги решают всё. Ты не прав, сын! Далеко не всё! На деньги нельзя купить друзей, но можно купить подельников, взяв их в долю. Нельзя купить любовь женщины, но можно купить её тело. Нельзя купить уважение к себе, но можно обзавестись почётными званиями. Нельзя купить память о себе, но "бюст на родине героя" можно. Ценность нашей жизни, Андрей, не измеряется в денежных единицах!

– А в чём она измеряется, отец?

– В таких понятиях, как "честь": честь семьи, фамилии, рода. Чувство собственного достоинства. Профессиональная гордость. Верность данному слову, клятве, присяге.

– Хорошо. Вы с мамой живёте в соответствии с этими высоконравственными принципами. Всю жизнь вы добросовестно и профессионально трудитесь за зарплату, которую вам платит государство. Почему же тогда на эту зарплату за такой труд за всю жизнь вы не заработали на собственное жильё, а ваша так называемая "дача" – это старый деревенский дом твоих родителей?!

– Ты говоришь "ваша". Такое впечатление, что ты разделяешь себя и нас. Есть "ты", а есть "мы" – твоя семья?

– Не цепляйся к словам, отец! Не я – жизнь разделяет! Ты учишь детей в школе жить по законам чести, совести и правды, а заработная плата должна быть честно заработана? Так? Ты считаешь, что большинство людей именно так думают и живут? Ты действительно уверен в этом и реальность нашей жизни тебя не смущает? Тогда почему полки наших магазинов пусты, а самые необходимые продукты питания стали дефицитом и продаются по карточкам?

– Ну и почему же, сын?

– Или большинство наших людей не придерживаются этих принципов в своей повседневной жизни, или они, эти люди, не влияют на эту нашу повседневную жизнь.

– Это страшная логика, сын!

– Оставим логику в покое. Это значит, – Андрей уже не мог, да и не хотел остановиться, – что наше общество живёт по другим нравственным нормам и критериям. Тогда на что ты потратил всю жизнь, исповедуя эти нравственные приоритеты, если даже своего собственного сына не можешь убедить в своей правоте?!

Царёв посмотрел на отца и пожалел о только что сказанных словах. Тот молча смотрел на сына. В его глазах были боль и страдание. Андрею казалось, что это молчание никогда не кончится. Наконец отец заговорил:

– Это – не мои нравственные приоритеты, а вечные человеческие ценности. Во все времена люди ставили верность этим ценностям выше собственной жизни. Ради них шли на костёр и на расстрел. Честь дороже жизни! Жизнь не измеряется ни прожитыми годами, ни высотой должностных кресел, ни суммами на банковских счетах. Ценность нашей жизни измеряется тем, что мы оставляем людям. Может быть, только благодаря этим вечным ценностям человечество и живёт до сих пор. И мы с тобой тоже.

– Это – фанатизм, отец! Это исступлённая вера в теоретические построения, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. Всё это рано или поздно вступит в противоречие с действительностью. И это внутреннее противоречие поселится в твоей душе и в твоём сердце. И с этим противоречием ты вынужден будешь жить, если сможешь.

– Никогда не было и не будет у меня никаких подобных противоречий и душевных переживаний.

– Хорошо! Сейчас мы это проверим. Здесь продукты, которые я привёз для тебя и мамы. Особенно они ей нужны сейчас, когда она в больнице. Питание, как ты сам знаешь, там никакое. Ничего этого в ваших магазинах нет. Ни за какие деньги. Более того, и в наших-то областных магазинах в свободной продаже их тоже нет. Только через "спецприлавки", заднюю дверь и "телефонное" право. Но даже в этих условиях при моей официальной зарплате я не смог бы всё это оплатить. Однако содействие моих, как ты выражаешься, "подельников" сделало это возможным. Итак, это то, что очень нужно твоей жене для её выздоровления, а может быть, и для жизни. В то же время всё это приобретено способами, противоречащими твоим жизненным принципам. Какое решение при...?

Царёв взглянул на отца и слова застряли у него в горле. Лицо Царёва-старшего как будто окаменело и стало похоже на маску.

– Уходи, – сказал он.

– Папа!

– Уходи! Свой путь в жизни ты выбрал. Дальше она сама будет учить тебя. Не упади!

...Дождь лил как из ведра. Царёв выехал на шоссе. По такой погоде до дома оставалось минут двадцать. Он вспомнил, что и тогда, когда он уезжал из родного города после разговора с отцом, тоже шёл проливной дождь, но тёплый, весенний. Всё вокруг дышало ароматами весны, пробуждением к новой жизни, радостью и надеждами. Такое же настроение было в тот день и у Царёва. У него начиналась новая жизнь, и в этой жизни он – хозяин!

...Где-то недели через две после возвращения Царёв неожиданно был приглашён Покровским на дачу. Приближались майские праздники, и это могло быть, по мнению Царёва, единственным поводом для подобной нештатной встречи. Однако он ошибся.

– Мне известно о твоей поездке домой. Это хорошо. Ясность всегда лучше неопределённости. Если ты по возвращении не прибежал ко мне с душевными переживаниями и нравственными страданиями, значит, свой окончательный выбор ты сделал.

– А если бы прибежал?

– Тогда это была бы наша последняя деловая встреча. Мне, Андрей, важно, чтобы люди, с которыми я работаю, были твёрдо убеждены в правильности выбранного ими жизненного пути. Без шатаний, колебаний и сомнений. Лично у меня таких проблем нет.

– На чём же основывается ваша убеждённость?

– Во-первых, на семейных традициях и памяти. Мой отец, мой дед и прадед были купцами. По роду своих занятий, по методам достижения своих целей, по способам выживания в российских условиях, их никогда не интересовало, какие цели ставит перед собой очередная власть в стране. Их всегда интересовало, сколько стоит эта власть. И они покупали её, когда это было нужно им. Эту логику жизни они сформировали и во мне. По ней я и живу сейчас, в период строительства "развитого социализма".

– А во-вторых?

– А во-вторых, эта логика, а следовательно, и моя убеждённость опирается на собственные представления о роли и месте денег в нашей жизни. Мы живём, Андрей, в мире товарно-денежных отношений. Возможно, это – лишь этап в жизни людей и даже, может быть, не самый оптимальный, но лучше пока ещё никто ничего не придумал. На деньги можно купить всё! Прямо или косвенно.

– И здоровье, и память людей, например? Или уважение современников и потомков?

– Да! И здоровье, и память людей, и самих людей. Квалифицированные и поэтому дорогие врачи, хорошие и, естественно, далеко не дешёвые и дефицитные лекарства, высококачественная пища, комфортабельный быт, экологически чистые условия жизни – всё это стоит, как ты сам понимаешь, больших денег, но это и есть здоровье! В дореволюционной России почитали, уважали и помнили купцов и фабрикантов, занимавшихся меценатством и благотворительностью. Без Павла Третьякова не было бы всемирно известной галереи, а без баронессы фон Мекк, наверное, не состоялся бы великий Чайковский. Каждый человек имеет свою цену. У каждого человека есть свои слабости, недостатки, желания и проблемы. Надо просто знать их, и тогда любого из нас можно купить.

– В пределах действующего законодательства?

– Ну при чём здесь законодательство?! Во-первых, в любом законодательстве есть масса "дыр", через которые можно протаскать всё, что угодно. Во-вторых, не надо вообще воевать с законодательством. Достаточно купить тех, кто контролирует его соблюдение.

– Это всё, что необходимо для достижения финансового благополучия и комфортной жизни?

– Нет. Это важно, но это не всё. Самая большая проблема – в нас самих. Что мы считаем для себя возможным, а что – нет? До какой черты, какой границы мы готовы идти для достижения своих жизненных целей? Эту проблему каждый решает для себя самостоятельно и действует в соответствии с уровнем своего интеллекта, своих знаний и готовности рисковать.

– Судя по всему, для себя все эти проблемы вы уже решили?

– Да, в современных условиях я соблюдаю необходимую осмотрительность, осторожность и не демонстрирую "на каждом углу" свои финансовые возможности и власть. Кстати говоря, ты тоже проявил эту самую "осмотрительность", приобретя "Москвич", а не "Волгу", хотя и имел для этого все возможности.

– Значит, "сидеть на деньгах" и одновременно удивлять окружающих скромностью своего быта, как меня, например, при моём первом посещении вашей дачи, – это правильный образ жизни?

– Пока да. Лучше вызывать удивление окружающих, чем зависть "доброжелателей" и внимание ОБХСС. Необходимо всегда учитывать конкретную обстановку, в которой ты живёшь и делаешь деньги. Именно этому учили меня мой отец и дед. Эти уроки я усвоил хорошо. Покровские – ювелиры и золотопромышленники в нескольких поколениях – в дореволюционной России жили комфортно, на "широкую ногу", не отказывая себе ни в чём, были уважаемы, имели свою ложу в театре и свободный доступ к губернатору. В советское время переквалифицировались в скромных госслужащих. Но даже в этих условиях умели делать деньги и умели ждать.

– Ждать чего?

– Благоприятных для себя условий: экономических, социальных, политических.

– Дождались?

– К сожалению, не дождались, но создали мне очень серьёзную финансовую базу. Но главное даже не это. Они создали из меня своего наследника. Наследника их взглядов, убеждений, жизненных целей, методов и средств их достижения. И я продолжаю их дело.

– Тоже ждёте?

– Дождался.

– Чего?

– А вот это – предмет нашего сегодняшнего разговора. Ради этого я и пригласил тебя сегодня сюда. Слушай внимательно! В моих планах на ближайшую и отдалённую перспективу тебе отводится вполне самостоятельная и очень серьёзная роль, – Покровский встал, прошёлся несколько раз по кабинету и остановился перед Царёвым. – Как известно, в стране сменилось политическое руководство. В ближайшее время следует ожидать серьёзных изменений в нашей жизни.

– С каких это пор вас стала интересовать политика?

– Она меня интересовала всегда, но в данном случае речь не о политике. Нас всех ждут радикальные изменения в экономике, – Покровский вернулся в кресло. – Будет разрушена государственная монополия на собственность, разрешено частное предпринимательство и купля-продажа валюты. Это должно начаться в ближайшее время. В значительной мере стихийно, со множеством глупостей, воровства и преступлений.

– Что-то слишком радикально. На чём же основаны ваши прогнозы?

– На собственном анализе положения дел в стране и интуиции коммерсанта. У нас в СССР системный кризис: социальный, политический, финансовый, экономический и даже идеологический. Подробно об этом кризисе, его причинах и особенностях расскажу позже, если у тебя будет желание. Сейчас важно другое. К руководству в КПСС пришёл новый Генеральный секретарь. На этот раз, кажется, работоспособный. Чтобы преодолеть этот кризис, он должен начать делать что-то подобное тому, о чём только что сказал я. В противном случае, я убеждён, нас ждёт, как сказал поэт, "жестокий и бессмысленный русский бунт", правда с ядерной бомбой "за пазухой".

– Какая-то уж слишком мрачная перспектива. Ведь живём же до сих пор. Возможно и сейчас удастся обойтись какими-то отдельными и не столь радикальными мерами?

– Думаю, что именно таким путём и попытаются пойти. Однако это будет ещё хуже. Для страны, но не для тех, кто умеет и знает, как добиваться успеха в жизни.

– По-моему, своего успеха в жизни вы уже добились.

– Это прозябание, а не успех. Успех к нам придёт сейчас, и достигнем мы его собственным интеллектом, предприимчивостью и цинизмом.

– Моё-то место какое в этой вашей перспективе?

– Не вашей, а нашей. Ты хороший электронщик и весьма перспективный управленец. Ты энергичен, практичен и циничен. Во всех этих твоих качествах я смог убедиться лично. Себе я доверяю. По состоянию на сейчас я, скорее всего, знаю тебя лучше, чем ты сам себя. Ты уволишься с завода и на первом этапе, как только будет разрешено, создашь частное предприятие по ремонту бытовой электроники, радио- и видеотехники. Что это будет: товарищество, кооператив или что там они ещё разрешат – неважно. Важно будет сделать это быстро и захватить рынок. Отечественной комплектацией поможем, на зарубежную – получишь валюту. Наладишь контакты с профильными заводами и вычислительными центрами. Они там, наверняка, делают отечественные программные продукты. Продадут "за копейки". Им там всем как-то выживать надо. На зарубежные компьютеры ставишь отечественные программы – и на продажу. Вот это будет настоящая коммерция или, как теперь стало принято называть, – бизнес.

– Какова же в таком случае судьба нашего теперешнего бизнеса? Кого вместо меня ставить будете?

– Какой это бизнес?! Никого. Ты разве всерьёз думал, что я или кто-то по моему поручению ежемесячно торчит на рынке и продаёт из-под полы твой драгоценный лом?

– Тогда откуда маржа?

– Это – не твоё дело. Ты своё исправно получал?

– Да.

– Вот и хорошо. Этот бизнес сделал своё дело. Пора двигаться дальше. А твой лом нам ещё пригодится. Мы его в скором времени совершенно легально продадим за валюту и получим за него очень хорошие деньги, которые пустим на зарубежные закупки для твоего же кооператива. Далее. Сотрудников в кооператив подобрать поможем. Да ты и сам их найдёшь, если будешь готов платить им достойную зарплату.

– Для начала нужны, как минимум, стартовый капитал, оборудование и хотя бы одну-две комнаты со всеми подводками.

– Помещение выделим, начало работ профинансируем, оборудование найдёшь сам, а с его оплатой мы поможем. Всё остальное будет зависеть от тебя.

– А кто это "мы поможем"? Ну, разумеется, кроме вас.

– Минут через сорок здесь будут люди, с которыми я тебя познакомлю. Сейчас их называют цеховиками, преследуют по закону, но не прочь периодически подкармливаться с их руки. Завтра они станут на совершенно легальных условиях успешными бизнесменами, долларовыми миллионерами и уважаемыми людьми. Такая же перспектива открывается и для тебя.

– Чем они могут быть мне полезны, кроме, разумеется, денег? Моральной поддержкой?

– Многим: связями, опытом работы, в том числе и в экстремальных условиях, умением покупать власть и устранять конкурентов, ну и, конечно, деньгами. Это на первом этапе, о котором я тебе говорил.

– А что в отдалённой перспективе?

– Не в такой уж и отдалённой. На определённом этапе будет, видимо, выгодно организовать свой собственный рынок электронных компонентов. Этаким "электронный рай", в котором можно всё: покупать и продавать, ремонтировать и менять, разрабатывать, экспериментировать и создавать. Здесь тебе, скорее всего, потребуется защита от криминала, а может быть, при известных обстоятельствах, и его содействие.

– ???

– Чему удивляешься? В период первоначального накопления капитала «руки по локоть в крови» – норма жизни, а "падающего толкни" – её закон. В подобных ситуациях мы тебя поддержим, по крайней мере до тех пор, пока ты не научишься это делать самостоятельно.

– Это и есть моя и ваша перспектива?

– Мою обсуждать с тобой я сейчас не буду. Теперь что касается тебя. У электроники большое будущее, и твоим перспективам можно только позавидовать. Однако одной электроникой твой и, следовательно, наш бизнес не обязательно должен ограничиваться. С началом передела государственной собственности может возникнуть необходимость поработать тебе в органах государственной власти или банковских структурах. Всё будет зависеть от политической и экономической конъюнктуры, ну, разумеется, и от тебя.

– Вы сказали: "наш бизнес ". Тогда как и с кем предстоит делиться?

– Корректный вопрос. Вот мы сейчас всё это и обсудим: задачи, обязательства, риски и вообще всю организацию нашего бизнеса на ближайшую и отдалённую перспективу...

Царёв проехал КПП, остановился возле коттеджа, вышел из машины и заглушил мотор. Дождь прекратился. Ночная прохлада приятно освежала лицо. Однако обычного в подобных случаях ощущения лёгкости и свежести не приходило. Коттедж тёмной громадой высился перед ним. Ни одного освещённого окна. "Тамары снова нет дома", – как что-то обыденное отметил про себя Царёв и стал подниматься по ступенькам.

6

Заявление на увольнение Царёва Курганов подписал сразу. Ему трудно было представить себе, что тот сразу начнёт сдавать своих компаньонов да и себя тоже. "Хорошо сидит при хорошей крыше" – привычно оценил он ситуацию и положил перед собой второе заявление. Оно тоже было на увольнение и исходило от генерала Бахарева, начальника Управления военного имущества. При анализе документации этого Управления Курганов не обнаружил каких-либо системных нарушений, злоупотреблений полномочиями или явно выраженных коррупционных схем. Безусловно, военная специфика и закрытость информации требовали более углублённого подхода к оценке этого направления работы, а это значит и других методов, и другого времени. Единственное, что отметил про себя Курганов, так это подписание некоторых договоров и актов не лично Бахаревым, а одним из его заместителей. Но из этого ещё ничего не следовало. "Ну что ж, поймём причины", – Курганов взглянул на часы, и в этот момент вошла секретарь.

– Доброе утро, Ирина. Почту можно взять. Заявление Бахарева я оставляю у себя, а его самого пригласи на 10-00. Сообщи Виктору, что в 11-00 я должен выехать в Совет федерации. Возвращение сюда до 17 часов. И ещё. Сегодня вечером жду от тебя предложений по начальнику Управления вместо Царёва.

– От меня??

– Да, от тебя.

– Валерий Петрович, может, это всё-таки поручить отделу кадров, тем более, что это его прямая служебная обязанность.

– Этот отдел кадров однажды уже принял Царёва, а это значит, что сейчас он мне предложит ещё одного такого же. Меня это не устраивает. Хороший секретарь должен знать, понимать и молчать. Я думаю, что из тебя получится хороший секретарь. Жду вечером предложений. Всё.

Эта ухоженная породистая шатенка бальзаковского возраста в первые же дни совместной работы произвела на Курганова в целом благоприятное впечатление, что для него было совершенно нехарактерно. Он очень часто вынужден был менять секретарей, советников и помощников. Болтливость, недисциплинированность, склонность к интригам, низкий уровень общей культуры – все эти качества исключали для Курганова совместную работу. Руководствуясь и в жизни, и в работе принципом: " язык дан человеку, чтобы молчать, говорить надо тогда, когда не говорить нельзя", Курганов высоко ценил в людях лаконичность, точность и аккуратность. Он готов был всему этому учить, но при условии, что сотрудник мог и хотел всему этому научиться.

Ирина была корректна без формализма, предупредительна без назойливости, аккуратна и исполнительна. Но самое важное – она была обучаема. Ей, к примеру, не сразу удалось понимание точности регламента: войти в кабинет ровно в 9-00; не раньше и не позже; предложить пройти на совещание всем приглашённым на него за 3 минуты до его начала и не пустить ни одного опоздавшего, независимо от его звания и должности, потому что понятия "опоздавший" просто не существует; закончить рабочий день ровно в 18-00 и покинуть приёмную, а не торчать в ней из солидарности с начальником в расчёте на его благосклонность в перспективе.

Ирина сравнительно быстро вписалась в этот достаточно жёсткий порядок, что, в частности, позволило Курганову с осторожным оптимизмом оценить возможности их совместной работы в дальнейшем, а сегодня предложить ей подумать над кандидатурой начальника Управления. Однако, строго говоря, у Курганова и выбора-то особого не было для подобного поручения. Своего секретаря он за это время хоть как-то узнал.

Время до встречи с Бахаревым Курганов решил посвятить подготовке к Совету Федерации. Было над чем подумать. Вчера на пленарном заседании была утверждена комиссия по проблемам осетино-ингушского конфликта, и Курганов был назначен её председателем. Сегодня предстояло ознакомиться со всеми документами по этой теме, наметить первоначальный план действий, а в понедельник со всей комиссией вылететь на Кавказ.

Ирина вышла из кабинета Курганова удивлённая и растерянная. Конечно, пусть и не в подробностях, но она знала, чем и как живёт Управление федерального имущества. Место было "хлебным". Это знали все. Слышала она и о Курганове. Догадывалась и о его вчерашнем разговоре с Царёвым, и о причинах увольнения последнего. Но одно дело слышать и догадываться, а другое – влезать во всё это самой. Любое её предложение вызовет недовольство или тех, кого не допустила до кормушки, или Курганова, если её кандидатура окажется "вторым Царёвым".

Она вновь попыталась систематизировать всё, что знала о своём теперешнем начальнике. Работники из областного Комитета имущества говорили о своём бывшем губернаторе как о жёстком администраторе и сильном экономисте. Ни взяток, ни каких-либо иных подношений не брал, и "под ним" это боялись делать другие. Был нетерпим к любым проявлениям лжи – от бытовой до профессиональной. Прерывал, лишал слова и удалял с трибуны любого начальника, который в течение первых пяти минут не мог изложить суть своего выступления. За некомпетентность и профессиональные ошибки мог освободить от должности и уволить. За время своего губернаторства сменил больше половины глав районных администраций и директоров областных департаментов. При этом никто никуда не жаловался, в суд не подавал и воспротивиться не пытался.

В Министерстве экономики новый заместитель министра начал работу с введения своей собственной этики служебных отношений. На первом же организационном совещании с личным составом своих Управлений и секретариата, как узнала Ирина, Курганов сказал примерно следующее:

"Ваше должностное и материальное положение целиком и полностью будет определяться качеством предоставляемой вами информации и принимаемых вами решений, т.е. своевременностью, достоверностью и полнотой. Вас не должно интересовать, нравится мне или не нравится то, что вы мне говорите. В этих категориях я вашу работу оценивать не буду. Мне абсолютно не важно, как вы относитесь лично ко мне, но абсолютно важно, как вы относитесь к работе. Каждый из вас имеет право на ошибку и не имеет права на её рецидив".

При этом те, кому с ним доводилось общаться и в области, и в министерстве, отмечали, что Курганов практически никогда не говорил на повышенных тонах, не использовал в разговорах с людьми унижительных или оскорбительных формулировок и не применял мат...

Размышления Ирины прервал вошедший Бахарев.

– Пётр Андреевич, ваше заявление Курганов оставил у себя. Не подписал. Просил пригласить вас в 10-00.

Ирина только сейчас вспомнила, что должна была сразу сообщить об этом в его секретариат. Пришёл с утра, без вызова. Беспочвенно; понять можно.

– Зачем? Неужели нельзя было сразу подписать? Я же пенсионер.

– Наверное, это было бы неправильно, Пётр Андреевич, увольнять человека даже пенсионера, даже по собственному желанию, не поговорив с ним.

– Он что, душевность решил проявить? Говорят, для него уволить человека всё равно что высморкаться.

– Зачем же вы так, не зная человека? Говорить-то могут всё что угодно. Вот побеседуете, тогда и выводы делайте. Кстати, ваше время, генерал, заходите, – Ирина открыла дверь и пропустила Бахарева.

– Здравствуйте, Пётр Андреевич!

– Здравия желаю!

– Прошу вас, – Курганов показал рукой на место за столом совещаний и сам сел напротив.

– Причиной подачи вами заявления стал мой приход в Комитет?

– Да.

– Является ли причиной вашего решения увольнение Царёва?

– Да.

– Означает ли это, что вы не хотите повторить судьбу Царёва?

– Нет, не означает.

– Почему?

– Я чист.

– Верно. В ваших документах, распоряжениях, материалах вашего Управления я не нашёл ничего, что могло бы стать поводом для увольнения. Есть там, правда, два документа, подписанных не вами, а вашим заместителем. Один – на списание в металл дизельной подводной лодки Тихоокеанского флота, а второй – на сдачу в аренду нежилых помещений в Доме офицеров Забайкальского военного округа в Чите. В одном случае я не обнаружил в комплекте документов акта приёма-сдачи отходов серебра и других драгметаллов, а в другом – уж очень смешная цена арендной платы.

– Так точно. Эти документы подписывал мой заместитель, капитан 1-го ранга Уткин. Именно по тем причинам, что вы указали, я их и не подписал.

– Но даже если и так, это ни в коей мере не повод для увольнения. Тогда мне надо понять. Причины увольнения: во мне и в моём решении по Царёву, и в то же время по состоянию на сейчас к вам у меня нет каких-либо серьёзных претензий.

– Здесь нет противоречий. Я знаю о вас, может быть, больше, чем кто-либо другой в Комитете. Я знаю, как вы, будучи губернатором, резко выступали против скоропалительной, неподготовленной передислокации Северной и Западной групп войск в Россию, нажив себе при этом немало врагов. О вашей решительности и последовательности в достижении целей, пусть даже и практически безнадёжных, но которые вы считаете правильными, говорили и командующий Северной группой войск генерал – полковник Дубынин по итогам вашей с ним встречи в Варшаве, и министр обороны Грачёв после посещения вашей области.

– Да, я в своё время действительно обсуждал вопросы строительства Вооружённых сил России и с Дубыниным, и с Грачёвым, и с президентом. Это были проблемы вывода советских войск из Европы, трудоустройства на территории области ушедших в запас офицеров, недопустимости предоставления армии права самой торговать своим военным имуществом, открытия в областном центре Академии войск ПВО и другие. Но какое это имеет отношение к теме нашей встречи?

– За эти годы, по моим наблюдениям, вы не изменились. Здесь вы также будете пытаться построить свою систему управления: прозрачную, честную и эффективную. Став губернатором, вы сами создавали организационную структуру своей администрации, правила поведения её сотрудников и нормы их служебной этики на пустом месте, так сказать в "чистом поле". До вас же губернаторов не было. Здесь – совершенно иная ситуация. Здесь давно прошёл искусственный отбор. Остались или те, кто молчит, радуясь куску с барского стола, или те, кто "в теме". Те же из сотрудников Комитета, кто согласится работать по вашим правилам, подвергнется сильнейшему давлению и административным репрессиям. В итоге – искалеченная трудовая книжка, изуродованная биография и полная невозможность восстановить справедливость. Это не для меня. Хочу закончить свою служебную карьеру с чистой совестью и в чистом мундире.

– Ну что ж, генерал, каждый проживает свою жизнь. Ваша позиция мне понятна. Назовём её разумной осторожностью. Скажу откровенно, мне жаль терять вас. Я знаком с вашей биографией. Воля, мужество и стойкость, которые вы проявляли в Афганистане, нам здесь бы

очень пригодились. Если вы измените своё решение, мы поработаем вместе во имя интересов государства, в котором мы имели честь родиться.

– Разрешите идти?

– Один вопрос: ваши рекомендации на должность начальника Управления?

– Полковник Владимир Фоменко. Аккуратен, исполнительен, педантичен. Хороший аналитик и юрист. С ним можно работать.

– Он ваш зам?

– Да. Есть ещё второй. Я о нём вам говорил. Капитан 1-го ранга Уткин. Будьте с ним осторожней. Скользкий человечек.

– Спасибо.

– Один вопрос, Валерий Петрович: завтра у меня проводы в Управлении в 18 часов.

Придёте?

– А вы не боитесь, генерал, что, узнав о моём участии, многие не придут?

– Предполагаю, но надо же узнать, хотя бы на финише, с кем работал и кому руку пожимал. В горах было проще: один бой – и всё понятно. Здесь сложнее. Буду ждать.

– Здесь тоже бой. Только линия фронта здесь – это линия нашей жизни, а враг наш – в нас самих. Победителем или побеждённым закончим мы свою жизнь зависит от того, что мы будем считать своей победой, а что – своим поражением. Благодарю за приглашение, Пётр Андреевич. Я приду. Всего доброго.

– Честь имею!

Бахарев вышел в приёмную и тяжело опустился в кресло. «А имею ли я эту честь?» – подумал он, может быть, впервые за многие годы вдумываясь в само содержание этой официальной формулировки и молча посмотрел на секретаря.

– Что с вами, Пётр Андреевич? – встревоженно спросила Ирина, наливая Бахареву стакан воды.

– Как он деликатно сказал: "назовём это разумной осторожностью". Лучше бы он меня трусом назвал. Может, было бы не так противно.

– Кто же боевого генерала трусом назвать может? – Ирина искренне удивилась.

– Бои тоже разные бывают. Сейчас мне это было популярно разъяснено. Но эти бои, видимо, уже не для меня. Хотя я об этом, может быть, ещё не раз пожалею.

– Ну не всем же воевать.

– Может быть, как раз потому, что не все воюем, мы и живём так. В церковь ходишь?

– Хожу.

– Помолись за него, – Бахарев кивнул на дверь кабинета Курганова. – Тяжело ему будет здесь, да, впрочем, и в любом другом месте тоже. Правда дорого стоит.

Бахарев ушёл. Ирина вновь вернулась к размышлениям о поручении Курганова. За долгие годы своей секретарской службы она научилась маневрировать, находить компромиссы и считала это своим основным профессиональным достоинством. Здесь это не пройдёт. От неё требовалось её личное мнение, а не среднеарифметическое мнение многих. Это личное мнение она должна не только иметь, но и уметь его обосновать. Судя по всему, теперь это станет нормой её служебной этики и правилом поведения. Было о чём подумать...

– Ваши предложения на должность начальника Управления? – Курганов прервал чтение почты и посмотрел на секретаря.

– Озогин, Николай Озогин. Сейчас он – заместитель начальника этого Управления.

– Почему твой выбор пал на него?

– Молод, энергичен, далеко не всегда соглашался с Царёвым и даже отказывался визирировать отдельные документы, если был не согласен с их содержанием, что у нас здесь может стоить должности.

– Образование?

– Высшее, юрист. Хороший юрист. Одно время планировался на должность начальника Юридического управления Комитета.

– Недостатки?

– Честолюбив, может быть несдержан и вспыльчив.

– Честолюбие, Ирина, не недостаток, а двигатель прогресса. Спасибо. Для меня этого достаточно. Будем назначать. Личные дела твоего протеже и полковника Фоменко, которого генерал Бахарев рекомендовал мне в качестве своего преемника, запроси в отделе кадров сейчас. Завтра в 17-00 начальников всех трёх моих Управлений ко мне на совещание. Вопрос на месте. К этому времени необходимые приказы будут подписаны.

Курганов спешил. Вчера в Совете федерации он ознакомился с документами по осетино-ингушскому конфликту. Тема для анализа и выработки рекомендаций для парламентских слушаний оказалась значительно сложнее, чем Курганов предполагал вначале. Прежде всего обращал на себя внимание какой-то фрагментарный подход к оценке ситуации: очередная вспышка конфликта – очередные жертвы и разрушения – очередные совещания – очередной выезд в зону конфликта – очередное решение. Это решение, как и предыдущие, оставалось на бумаге. Далее – новое обострение ситуации и всё начиналось сначала.

Курганов не обнаружил ни одного документа, в котором была сделана хотя бы попытка оценить все сегодняшние основные причины конфликта. Не было анализа политических сил, стоящих за этим конфликтом, их интересов и целей. В материалах отсутствовала какая-либо оценка роли и места федеральных органов власти и управления в его разрешении. Как следствие этого – общий, декларативный характер всех рекомендаций, никого ни к чему не обязывающих.

Комиссии Курганова предстояло стать очередным звеном в этой цепи формальных процедур. Однако для него это было совершенно неприемлемо. Аргумент "как все" был не для Курганова. Этим, по его мнению, можно объяснить собственную непричастность к любому провалу, любому поражению и к любой подлости.

Разумеется, Курганов прекрасно отдавал себе отчёт в том, что силами одной комиссии за время одной командировки невозможно ни получить ответы на все вопросы, ни подготовить исчерпывающие рекомендации по решению всех проблем региона. Однако сформулировать на основе всестороннего и объективного анализа первоочередные задачи по нормализации ситуации можно и нужно.

А это означало, что всё надо будет начинать практически с нуля. Предстоит, в частности, определиться с хронологическими рамками событий, которые, очевидно, начались не вчера. Важно выявить всех участников конфликта, их интересы и цели. Необходимо понять, какие задачи были поставлены перед воинскими формированиями России, направленными в этот регион, и каковы итоги их выполнения. Наконец, в процессе анализа на любом его этапе потребуются учёт и влияние религиозного фактора. Это, по мнению Курганова, можно будет считать основными направлениями работы комиссии. В ходе изучения обстановки, естественно, возникнет много дополнительных вопросов и проблем, предусмотреть которые заранее просто невозможно.

Было очевидно, что такая постановка задачи потребует не только интенсивной работы всех членов комиссии, но и значительного времени пребывания его на Кавказе. Однако откладывать на потом реорганизацию работы в Комитете он считал недопустимым. Если решено что-то делать, то надо начинать это делать.

7

Понятие "коррупция" Курганов в своё время сформулировал для себя как "использование человеком своего служебного или общественного положения во имя личных, групповых или корпоративных интересов в ущерб государственным". Такой подход позволял ему при принятии решений не учитывать формы, глубину и размах деяний, наносящих ущерб государству. Для него достаточно было того, что этот ущерб имел место. При этом совершенно неважно было, следствием чего возник этот ущерб: приёма кадровиком на работу профнепригодного специалиста-родственника или оплата "нужной" подписи чемоданом с деньгами. Так было тогда, когда он снимал с работы мастеров, допустивших массовый брак изделий, и тогда, когда отдавал под суд директоров хлебокомбинатов области, оставивших под Новый год областной центр без хлеба.

Не занимался Курганов и упражнениями в дефинициях. Ему неважно, что это было: "подкуп", "взятка", "лоббирование", "конфликт интересов" или "взаимный зачёт встречных платежей". Для него это были нюансы, в которых должны разбираться правоохранительные органы и уголовный кодекс. Коррупция – если нанесён ущерб государству. Всё. Точка. Дальше этому персонажу в его системе управления делать нечего.

Его поддерживали и ненавидели. Среди и тех, и других были и его начальники и его подчинённые. Результаты были и носили, естественно, ограниченный характер, определяемый сферой его власти и полномочий как Первого лица. Однако сейчас ситуация была принципиально иной. Это был не масштаб предприятия и даже не масштаб области. Это была Россия, это были высшие, федеральные органы власти, а он был далеко не Первым лицом. Безусловно, статус сенатора предоставлял ему определённые возможности, но их могло и не хватить. Поэтому так важны были для Курганова поддержка его теперешних подчинённых и сегодняшнее совещание.

Его размышления прервал звонок секретаря:

– Валерий Петрович, по телефону – руководитель аппарата Совета федерации и... начальники Управлений в приёмной.

– Приглашённые пусть заходят, а в Совет федерации передай, что я позвоню вечером сам. – Курганов положил трубку и прошёл к столу заседаний.

– Добрый день! Сегодня у меня первая коллегиальная встреча с вами, моими подчинёнными. Всё предыдущее время с момента моего назначения заместителем председателя я употребил для анализа состояния дел в ваших Управлениях. Мой анализ, ваши знания, профессиональный опыт и личные качества должны позволить нам сегодня определить стратегию и тактику нашей работы на ближайшую и отдалённую перспективу. Итак, стратегия. В её основе лежит понимание нами того, что мы являемся государственными служащими, и наш долг – защищать интересы государства всеми средствами, не противоречащими действующему законодательству. Разделяете ли вы эту точку зрения?

– Кто бы спорил. Волга впадает в Каспийское море, лошади кушают овёс и сено, – начальник Управления зарубежной собственности Игорь Алмазов тонко и скептически улыбнулся. Остальные молча кивнули в знак согласия.

«Эрудит. Чехова решил процитировать. Хочет подчеркнуть, что начальник изрёк прописную истину, – отметил про себя Курганов. – Посмотрим, такая уж она для них прописная.»

– С Волгой и лошадью действительно всё понятно и ясно. А вот ясность в методы и средства достижения нашей цели необходимо внести. Итак, защита нами интересов государства, с моей точки зрения, предполагает:

– защищать эти интересы, невзирая на бездействие, сопротивление или давление на нас любых должностных лиц и любых инстанций;

– считать своей обязанностью восстановление интересов государства во всех тех случаях, когда они нарушены, даже если эти документы или решения мы не готовили и не подписывали;

– нести, в пределах своих обязанностей ответственность за всё, что было до нас, происходит при нас и будет после нас. Всё ли здесь понятно и ясно?

В кабинете повисла тягостная тишина. Наконец Озогин нарушил молчание:

– Для того, чтобы стало понятно и ясно, Валерий Петрович, необходимы комментарии и разъяснения. Что, например, означает: "невзирая на бездействие, сопротивление или давление"?

– Бездействие: мы направили письмо или претензию, требующие ответа или решения. Ни ответа, ни решения не получили. Никаких повторных запросов и никакой переписки. Иск в суд. Сопротивление: мы направили запрос в прокуратуру субъекта Федерации. Вместо решения – формальная отписка. Повторный запрос, но уже в Генеральную прокуратуру. Давление: классическая схема "купить—напугать—посадить—убить". Удастся купить – дальше ты не опасен, ты "в теме", чирикнешь, и тебе об этом напомнят. Напугать можно любого: увольнением, физическим насилием, угрозой для жизни близких. Испугался, и ты уже не опасен, сиди и молчи. Не испугался – найдут статью, посадят в тюрьму или в психушку. Там, если необходимо, и убьют, это чисто технический вопрос. Реализация этой схемы, как правило, идёт по возрастающей пропорционально росту уровня власти, чьи коррупционные интересы нарушены.

– Как же на всё это прикажете "не взирая"? – спросил Алмазов, бросив мимолётный взгляд на Курганова и тут же отведя глаза в сторону.

«Значит, понял, что одной эрудицией не обойтись. Начал думать. Это хорошо», – отметил про себя Курганов, а вслух сказал:

– Никак не прикажу. Каждый для себя это решает сам.

– На что же в таком случае рассчитывать нам? – полковник Фоменко впервые прервал молчание.

– В своих действиях и решениях вы можете опираться только на свои личные качества, безукоризненное соблюдение российского законодательства и мою поддержку не только как вашего начальника, но и как члена Совета федерации, обладающего достаточно широкими правами, полномочиями и депутатской неприкосновенностью.

– Ещё один вопрос, Валерий Петрович. Я – действующий полковник Вооружённых сил России. У меня могут возникнуть проблемы субординации...

– Можете не продолжать. Я понял. Во всех подобных случаях все документы буду подписывать я.

– Прокомментируйте, пожалуйста, ваше понимание ответственности. Оно получается каким-то безграничным, – в подтверждение своих слов Озогин изобразил руками круг, насколько этих рук хватило.

– Договор аренды подписан не нами или вообще до нас. Но он действующий и, следовательно, находится в зоне нашей ответственности. А это значит, что мы несём ответственность за правильность его составления когда-то, за соблюдение его условий сейчас и за последствия его реализации тогда, когда нас уже не будет. По крайней мере, на этом уровне власти.

– В общих чертах понятно, Валерий Петрович. Теперь есть смысл обсудить детали. Так что мы должны делать и с чего начать?

– Правильно. Перейдём к реализации стратегии. Итак, практические шаги по восстановлению государственных интересов в зонах ответственности наших Управлений. Начнём с Управления федерального имущества. Перед вами, Озогин, программа действий на ближайшее время. На первом этапе в прокуратуры субъектов Федерации, а по федеральной собственности – в Генеральную прокуратуру направляются запросы о предоставлении в Комитет информации по каждому балансодержателю о фактическом нахождении на его территории всех юридических лиц с указанием основания для такого размещения, платежей и т.д. Типовой

перечень необходимой информации, который мы требуем от органов прокуратуры, разработан мною и находится перед вами. Там же – перечень основных балансодержателей по Москве. Его составило по моей просьбе столичное Управление охраны общественного порядка МВД России. Уверен, вы его дополните собственной информацией, которой, безусловно, располагаете.

– Да, хорошо, понятно.

– На втором этапе, с учётом выполнения первого, всем юридическим лицам, допустившим нарушение действующего законодательства, направляются претензии. К балансодержателю – о возврате арендных платежей в бюджет, к арендатору – о выселении. По балансодержателям, являющимся органами власти и управления, – письмо в правительство с аналогичным содержанием. На третьем этапе по всем юридическим лицам, не выполнившим наши требования, направляются иски в суд. К требованиям предыдущих этапов могут быть с учётом конкретной ситуации добавлены новые.

– Что имеется в виду?

– По балансодержателю, например, такие меры, как снятие руководителя, изъятие помещений, штрафные санкции, ликвидация юридического лица. По арендатору: возврат средств, пени, принудительное выселение.

– Пока других вопросов нет, – Озогин углубился в лежащие перед ним бумаги.

– Теперь – по Управлению военного имущества. вам, несомненно, известно, полковник, об указе президента, разрешившего в Российской армии коммерческую деятельность.

– Вы имеете в виду Указ № 1518 "О порядке реализации и использования высвобождаемого военного имущества"?

– Совершенно верно. Однако используемое мною здесь название этого документа более точно отражает его содержание. Суворов в своё время говорил, что "любого интенданта после пяти лет службы можно вешать без всякого суда". Это было сказано во времена, когда торговля военным имуществом в русской армии была не только запрещена, но и презираема всем русским офицерством. Можно теперь только гадать, что будет с нашей армией, авиацией и флотом и какие будут "откаты". Этот указ – один из самых коррупционных нормативных актов постсоветской России.

– Однако контроль за выполнением этого указа, Валерий Петрович, возложен на Комитет.

– Верно. Мы – чиновники, а это – указ нашего президента. Мы обязаны его контролировать, и мы будем это делать. Однако наш контроль в конечном итоге должен позволить нам получить ответы на два стратегически важных вопроса: каков эффект от реализации этого указа и каковы характер, масштаб и последствия его нарушений?

– Силами одного моего Управления и даже силами всего Комитета эту работу так, как вы её трактуете, сделать невозможно. Это – масштаб всей страны и нужды – специалисты такой квалификации и с таким опытом работы, которых у нас пока просто нет. Мы же совсем недавно созданы, – возразил Фоменко.

– Правильно, правильно, Владимир Павлович! Поэтому здесь важна в первую очередь не тактика, а стратегия проверок. В комплекте материалов, лежащих перед вами – проекты писем в органы прокуратуры, Минфин, налоговые органы, Минобороны и КРУ президента. В них моя просьба оказать содействие Управлению военного имущества Комитета при проведении проверок выполнения этого указа. С руководством этих ведомств я встретился лично и получил их принципиальное согласие.

– А если в ходе проверок возникнет необходимость в привлечении специалистов из других органов власти?

– Аналогичные запросы с обоснованием. В случае необходимости – мои звонки и депутатские запросы. При этом вам необходимо обратить внимание, полковник, на один абзац в моих проектах писем. В нём я прошу при командировании к нам специалистов ориентиро-

ваться не на их статус, а на квалификацию и опыт работы. Пусть пришлют любого клерка, лишь бы знал своё дело. Чем ниже уровень власти, тем в меньшей степени сотрудник вмонтирован в коррупционную схему и тем с большим желанием он готов продемонстрировать свою квалификацию при подобного рода проверках.

– А если откажут?

– Не откажут. Отказ самим дороже встанет. Далее. Масштаб контроля действительно огромен. Здесь важно в самом начале определиться: "где проверять", "кого проверять", «что проверять» и "в какой последовательности". В порядке предварительного анализа ситуации я ознакомился с результатами проверок этими структурами. Копии этих проверок – в ваших документах. Свои собственные вы знаете сами.

Моя оценка всех этих выполненных проверок: хаотичность выбора объектов проверок, их дислокации и состава проверяющих. Так называемый режим до востребования: "запрос— проверка—отчёт". Итоги реализации такого режима известны: "в целом выполняется, но есть отдельные недостатки". Такой вариант работы нам не подходит. Так мы никогда не получим ответы на те вопросы, о которых я сказал. Более того, мы станем соучастниками этих коррупционных схем.

– Тогда его дешевле отменить, чем раскручивать этот гигантский маховик всероссийских проверок!

– Аргументы? Это же указ президента, а не ведомственный акт Минобороны. Кроме того, нашими оппонентами будут все те, кого мы этой отменой лишим кормушки объёмом в Вооружённые силы бывшего Советского Союза. Нет. Вначале – ответы на те два вопроса, всё остальное – потом, по итогам нашей работы.

– Кстати, к вопросу "кого проверять"! Есть информация, что этот указ будет распространён и на силовые структуры, где есть воинские формирования и военное имущество, – отметил Фоменко.

– Уже распространяется, причём, судя по всему, явочным порядком. Ещё один довод в пользу того, что наши проверки должны быть законодательно обоснованы, системно организованы и профессионально проведены. О формировании состава специалистов я уже сказал. Разумеется, вся их работа должна выполняться под вашим руководством, полковник.

О том, «что проверять». Наиболее дорогостоящие объекты – по полной схеме с документальным подтверждением: "почему невозможно использование по назначению – предпродажная подготовка – аукционная продажа – перечисление средств – их целевое использование". Только не относите к категории "дорогостоящих объектов" солдатские кирзовые сапоги или ещё что-то подобное. Я не шучу. Акт именно такой проверки был обнаружен мною как раз в вашем Управлении, Владимир Петрович.

– Однако это тоже контроль за выполнением указа президента.

– Верно. Вот только от такого контроля мы не получим ни информации о фактическом механизме распродажи кораблей, самолётов и подводных лодок, ни величины серьёзных "откатов" и их не менее серьёзных получателей.

– Если речь идёт о кораблях и подводных лодках, то и выбор "кого проверять" должен быть соответствующим.

– Правильно. И "кого", и "где". Из большого числа ныне существующих воинских организационных структур необходимо на начальном этапе работ выбрать несколько основных. Их проверка должна дать нам определённое многообразие как методов выполнения указа, так и механизмов реализации коррупционных схем. Эту информацию можно будет использовать при проведении проверок на следующих этапах и таким образом сформировать в короткий срок своего рода алгоритм контроля.

– "Где" тоже является принципиальным в вашей системе контроля, Валерий Петрович?

– В известной степени. Исходя из необходимости получения максимальной информации по каждой проверке, целесообразно начать как можно дальше от Москвы.

Чем дальше от "царя", тем выгоднее жить "боярам". Поэтому для первой проверки вполне возможен такой вариант: один военный округ – Дальневосточный; один флот – Тихоокеанский; одна военная группировка – Северо-Западная группа войск; и одна военно-морская база – Ленинградская.

– Значит, берём штурвал на себя. Сами проверки планируем, сами комплектуем состав проверяющих и сами их проводим.

– Совершенно правильно, Владимир Павлович. Если контроль на нас, то это единственный вариант подтвердить свой профессионализм, не оказаться орудием в чужих и далеко не чистых руках и сохранить уважение к себе.

– Понятно. Начнём работать – жизнь покажет.

– По Управлению зарубежной собственности нам с вами, Алмазов, придётся столкнуться с проблемами, масштаб, объём и границы которых сегодня вообще неизвестны. В порядке предварительного изучения ситуации я ознакомился с положением дел с зарубежной собственностью в МИД, Минфине, МВЭС, Росархиве и даже в РПЦ. Так вот, зарубежной собственности Российской Федерации только по одной Германии в Росархиве посвящено 65 000 томов архивных дел.

– Вы имеете в виду по оккупационному праву?

– Не только. Это собственность СССР до 1941 года, имущество, вывезенное Германией в период 1941—1945 годов, и, разумеется, по оккупационному праву. Далее. Собственность Российской Федерации можно обнаружить в любом регионе и на любом континенте земного шара.

– Имеются в виду учреждения МИДа?

– Не только. Есть имущество МВЭС, РИА "Новости", Минобороны, ИТАР. Есть, например, "русские земли" на Ближнем Востоке. Приобретались они в своё время на средства императорского правительства, Церкви и Российского православного палестинского общества. К 1917 году общая площадь этих "русских земель" в Палестине, включая современный Израиль, палестинские территории, Иорданию, Сирию и Ливан, составляла порядка 200 гектаров. Зарегистрированы они были на имя великого князя Сергея Александровича.

– Что, законность этой сделки будем опротестовывать? – Алмазов искренне удивился.

– Судьбу земли выяснять будем. Опротестовывать законность – нет. По тогдашнему законодательству объекты собственности, которые приобретались для религиозных организаций, не могли быть зарегистрированы на их имя, а оформлялись как собственность частных лиц. А вот с соблюдением современного законодательства в отношении нашей зарубежной собственности нам придётся разбираться очень тщательно и профессионально.

– Есть факты нарушения Российского законодательства за рубежом России?

– Если здесь, в России, есть множество подобных фактов, то можно представить, что делается там, за кордоном. Известно, что наши учреждения и организации получают недвижимость за рубежом на правах оперативного управления или хозяйственного ведения. Это право исключает самостоятельное оформление любых сделок с ней помимо Комитета. Так вот, в одном только МВЭС более 1200 договоров аренды, заключённых без нашего участия.

– Будем опротестовывать или санировать?

– Не будем суетиться. Кроме этих и, разумеется, массы подобных договоров есть доли, паи и акции в зарубежных компаниях. Кроме зданий диппредставительств есть ещё дома, квартиры, виллы; есть дачи, гостиницы и земельные участки. Всё это "работает", приносит доход, выгоду, прибыль. Кому-то, но не в федеральный бюджет.

– Наивно полагать, что все заинтересованные лица добровольно расстанутся со своим "наваром".

– А мы и не будем наивными. Однако для того, чтобы ставить вопрос о пополнении федерального бюджета за счёт эффективного управления зарубежной собственностью, нам необходимо предварительно провести большую подготовительную работу по инвентаризации объектов зарубежной собственности Российской Федерации. Перед вами, Игорь Сергеевич, список юридических лиц, в адрес которых необходимо направить письма с просьбой сообщить в Комитет все сведения об их имуществе в зарубежье.

– Как в дальнем, так и в ближнем?

– Да. Форму и содержание необходимых сведений определите сами. Однако, в каждом запросе должно быть предложено сообщить в обязательном порядке: название страны, наименование объекта собственности, год её возникновения и стоимость в долларах США.

– Паи, доли и акции тоже запрашивать?

– Безусловно. Это тоже объекты собственности.

– Вы уверены, что сообщат?

– Уверен, что не все, не сразу и не всё, но именно с этого надо начать. При этом организационный регламент должен быть аналогичен тому, какой мы определили для Управления федерального имущества. Нормативный срок – месяц для ответа, затем – повторный запрос в вышестоящий орган. Для одних это будет правительство, для других – Генеральная прокуратура.

– В вашем списке, Валерий Петрович, порядка двадцати государственных структур различного калибра. Ваше мнение, какова будет их реакция на наши запросы?

– Любая. От формальных отписок до организованного сопротивления. Много будет зависеть от того, чьи личные, групповые или корпоративные интересы будут поставлены под угрозу.

– По содержанию задачи вопросов нет. Есть у меня вопросы, так сказать, общего характера, – Алмазов бросил взгляд на сидящих за столом. – Думаю, что и у моих коллег тоже.

– Я слушаю, – Курганову было не трудно догадаться, о чём сейчас пойдёт речь.

– Сколько мы продержимся?

– При неблагоприятном развитии событий – два года. Это срок полномочий первого созыва Совета федерации и, следовательно, моих как сенатора тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.